

Михаил Байдаков, Сергей Белкин. **Развитие и ценности**

Михаил Юрьевич Байдаков – председатель правления «Миллениум Банка»
Сергей Николаевич Белкин – главный редактор альманаха и портала «Развитие и экономика», член Союза писателей России, кандидат физико-математических наук

Содержание:

Что такое развитие?

Развитие и прогресс

Смыслы, ценности, и цели

Ценностное ядро

Развитие, прогресс и ценностное ядро

Развитие, прогресс, ценностное ядро и глобализация

Развитие, прогресс, ценностное ядро, глобализация и Родина

Можно ли остановить развитие?

Управление развитием – это управление ценностями и идеалами

Состояние дискуссии

Авторы написали эту статью в качестве «вводной» для учрежденного ими альманаха «Развитие и экономика», обозначая тем самым общее направление издания. Побудительным мотивом к созданию альманаха – как дискуссионной площадки – является стремление авторов содействовать развитию страны¹. Столь банально звучащий тезис при более глубоком анализе заключенных в нем смыслов оказывается вовсе не простым. Сложности начинаются с выяснения содержания понятия «развития» вообще и применительно к России в частности. Сложности увеличиваются при уточнении объектов и субъектов развития: народ, часть народа, государство, институты государства и т.д. Сложности и несовпадения во взглядах продолжают при анализе содержания категорий «прогресс» и «регресс». Картина становится еще более сложной при выяснении факторов, влияющих на «прогресс» и «регресс», среди которых оказываются и политико-экономические факторы – внутренние и внешние, и свойства самой среды – климат, география, и менталитет народа, его культурные традиции и ценности.

Несмотря на сложность и многофакторность проблемы, реформы, осуществляемые вроде бы во имя развития, апеллируют в основном к экономическим категориям и факторам, возводя их на пьедестал не только главных, но практически единственных

целевых установок, что представляется ошибочным: смысловые, культурные и метафизические цели не менее важны. Ситуация усугубляется еще и тем, что заявленные экономические цели не достигаются на протяжении исторически значимого периода времени – более двух десятилетий. Что при этом происходит с народом и страной? В полной ли мере осознается происходящее, и происходит ли оно по недомыслию, по ошибке, в силу неотвратимой превосходящей человеческие силы закономерности или же по чьему-то умыслу? На эти вопросы даются противоречивые ответы, и мы хотели бы, учреждая альманах, предоставить площадку, стимулирующую научную и общественно-политическую дискуссию.

Наблюдения и переживание происходящего со страной и народом дают основания для разных вариантов опасений: а) страна и народ развиваются «в неверном направлении»; б) страна и народ остановились в своем развитии; в) страна и народ деградируют, вырождаются и в конечном счете идут к гибели. Этими вариантами возможные сценарии не исчерпываются: народ может деградировать до стадии одичания, может быть поработан и уничтожен или ассимилирован, при этом на той же территории возникнет другая страна другого народа. Предметом обеспокоенности авторов является судьба того народа, чьей органической частью они себя ощущают, и той страны в которой сосредоточена его судьба: России.

В этой связи вопрос «что есть развитие» далеко не праздный и не отвлеченно-теоретический. При массовом использовании этого понятия возникают следующие опасности. Все политики, каких бы взглядов они ни придерживались, каковы бы ни были их истинные цели говорят о развитии и предлагают не только свои пути и методы развития, но и свои признаки, критерии развития. К сожалению, очень часто в результате применения этих методов и следования этим признакам обществу приходится пожинать печальные плоды: распад государства и деградацию всех сфер жизни, политическую, экономическую и духовную зависимость от чужих и чуждых интересов. Вторая опасность состоит в том, что люди в большинстве своем уверены, что смысл слова «развитие» и так всем понятен, причем понимается всеми одинаково. Это трагическое заблуждение приводит к тому, что огромные массы людей вовлекаются в губительные для них же процессы, не отдавая себе отчет в том, что роют себе могилу, а не возводят фундамент будущего благополучия.

В истории было много реформ и революций, выявлено немало различных «циклов». И реформам, и революциям и «циклам» даны всесторонние оценки, расходящиеся, однако на диаметрально противоположные позиции: одни и те же события, одни и те же результаты оцениваются и как «благо», «прогресс», и как «несчастье», «катастрофа», «регресс». Расхождение в оценках вызвано не столько отсутствием критериев вообще, сколько разными точками зрения на происходящие процессы и их результаты. Критерии каждого, кто дает оценку, соотносятся с его собственным, часто неосознанным, а лишь ощущаемым представлением о «добре и зле». Хотелось бы, однако, найти тот угол зрения и те критерии, которые позволят рассматривать явления с позиций «общества в целом», «народа как единого целого» и т.д. Остается пока неясным, может ли существовать подобная «общая» точка зрения и критерии в условиях высокой степени неоднородности общества: имеется в виду неоднородность по глубинным ценностным критериям, национально-религиозным, имущественным и многим другим параметрам общества. Эти неоднородности проявляют себя по-разному. Иногда – и, видимо, чаще

всего, в виде пассивного приятия или неприятия происходящего, но часто и в виде проявленных интересов и возникающих, вследствие этого структур – как в пространстве мысли, так и в пространстве общественных институтов. В этой связи возникает вопрос о возможности выработки приемлемой для всех и принимаемой всеми стратегии жизнедеятельности, а также о механизмах реализации подобной стратегии.

Зададим несколько вопросов. Что есть развитие, а что таковым не является? Может ли неоднородное общество обрести стратегическую субъектность² общего развития? Какова мера неоднородности общества, в каких категориях она должна оцениваться и измеряться, и где предел неоднородности, при которой совместная общая стратегия становится недостижимой? На эти вопросы ответы в пределах одной статьи даны не будут. Их роль в данном случае – обозначить направление дискуссии и призвать исследователей к поиску ответов и предъявлению аргументации.

Что такое развитие?

Родина – это не государство,
*где человек родился, не «страна пребывания»
и не «место, где мне хорошо». Родина – это
комплексное понятие, включающее в себя
и территорию, и народ, и историю, и идеалы,
и «Небесную Родину», и – главное – личную
ментальную связь человека со всем этим,
определяющую смысл его существования.
Родина – как образ, чувство и надежда – может
существовать в душе и в сердце даже тогда,
когда физически уже или еще нет самой страны,
равно как страна может быть, а Родины,
как сердцевины смыслов, – уже или еще нет.*

Мы будем обсуждать общественное развитие, оно же – развитие общества³. Попытка ответить на вопрос: «В чем оно состоит?» – один из предметов предлагаемого направления дискуссии. Общество формируется из индивидуумов, личностное развитие которых с одной стороны, автономно, но, с другой стороны, неразрывно связано со средой обитания, со всеми ее сторонами: культурной, экономической, политической и т.д. Сказанное немедленно нуждается в уточнениях: развитие общества – это то же самое, что развитие населения, народа, нации, страны, государства? Как – количественно и

качественно – развитие этих сущностей соотносится с развитием индивидов, из которых они состоят? Если я лично и члены моей семьи – растем и развиваемся, а государство, страна, народ, из которых мы вышли и внутри которых пребываем – деградируют, загнивают, сливаются, поглощаются, исчезают, то какова в этой связи иерархия ценностей, какой должна быть личная стратегия и что означает «должна быть»? На что тратить силы и энергию – на спасение гибнущей страны или на продолжение личного роста и развития, на адаптацию к изменяющимся условиям? Что «выше» и «ценнее»: личность или семья или народ и страна? А еще есть такие сущности, как государство и Родина. Противопоставление «личность или Родина» для многих людей является неразрешимым, у многих возникает особый уровень взаимопроникновения и целостности собственной личности и Родины. Спасение Родины как сложного рационально-иррационального комплекса предполагает и включает в себя спасение души в христианском смысле, или же спасение души – наивысшая задача, а спасение Родины, которая есть в душе и в которой пребывает душа, может отойти на второй план? Насколько актуально подобное противопоставление?

Оставим пока без ответа заданные вопросы и вернемся к теме, вынесенной в заголовок, которая, как видим, требует не столько формального цитирования какой-нибудь словарной статьи, сколько непростого исследования и последующего «мониторинга» – то есть постоянного соотношения понимания развития с быстро изменяющейся ситуацией. Словарная статья может нам предложить, например, следующее: «Развитие – необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов; выделяют т.н. восходящее развитие и называют его прогресс, и нисходящее развитие, называя его регресс». Такое «определение» сочтет развитием любое «...изменение объектов», в том числе и массовую гибель населения в результате болезней или войны. Чтобы как-то обозначить и различить «положительные и отрицательные» изменения, вводятся понятия «восходящего и нисходящего» развития. «Восходящее» и «нисходящее» развитие – неплохие метафоры, однако мало что полезного дающие для практического применения. Что считать прогрессом, а что – регрессом по отношению к социальным системам – мнения расходятся в каждом конкретном случае. И именно здесь происходит водораздел между политиками разных направлений и ориентаций.

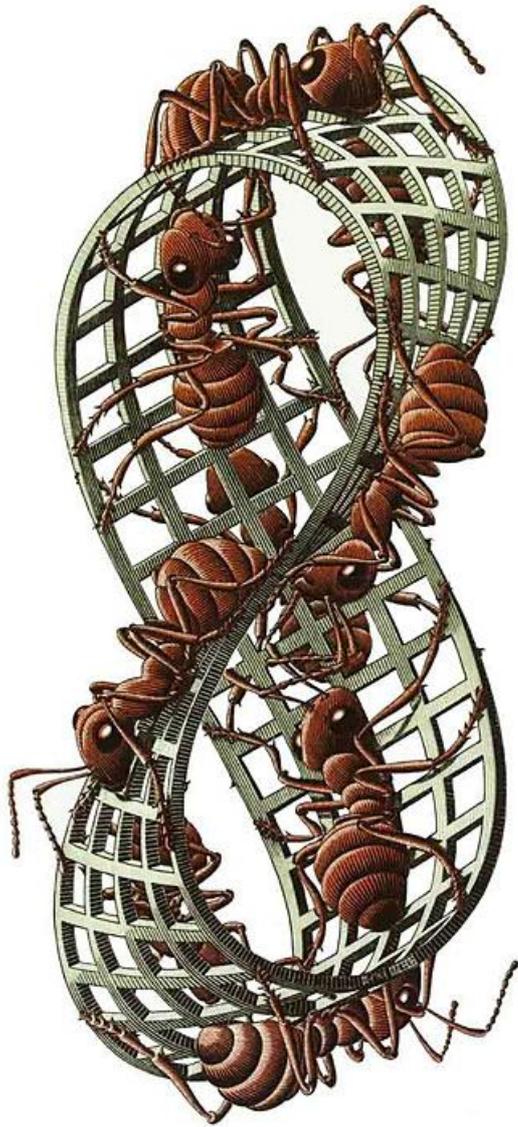
Помимо определения развития, приведенного выше, существуют и более содержательные подходы, использующие представления теории систем: «Развитие – это процесс перехода системы из одного состояния в другое, сопровождающийся структурными изменениями в системе». Но и этого уточнения нам мало, поскольку разрушение – это тоже изменение структуры. Более полное описание категории развития предлагает Философская энциклопедия: «Закономерное изменение материи и сознания, их универсальное свойство; собственно «развертывание» до сих пор «свернутого», выявление, обнаружение вещей, частей, состояний, свойств, отношений, которые имелись и прежде, уже были подготовлены, но не были доступны восприятию, особенно в смысле восхождения от низшего и малозначащего к высшему и полноценному. Развитие бывает экстенсивным, то есть проявлением и увеличением уже имеющегося, и интенсивным, то есть возникновением качественно новых форм. С другой стороны, развитие бывает экзогенным, то есть определяемым только извне, или эндогенным, источник которого находится внутри самого развивающегося»⁴.

В этом описании имеются важные признаки развития, состоящие в «возникновении качественно новых форм». Ясно, что, говоря о развитии общества, мы имеем в виду не просто изменение структуры, а появление каких-то новых форм упорядоченности, новых свойств рассматриваемой системы. И если эти новые формы и новые свойства обеспечивают лучшие условия для выживания и дальнейшего воспроизводства жизни, для реализации чего-то, что воспринимается как «предназначение», мы воспринимаем такие изменения как развитие общества⁵. При этом очень важно при анализе столь сложной системы, как социальная, учитывать все сложившиеся в ней взаимосвязи и взаимозависимости, включая и те, которые существуют в мире идеального, метафизического. Устойчивое развитие личности неотделимо от устойчивого развития социальной среды, в которой личность пребывает. Развитие – это свойство и признак живой среды. Неживая природа изменяется, но не развивается. То, что развивается – живое. Социум, состоящий по определению из живых существ, гибнет, диссипирует, поглощаясь другими социумами, если перестает развиваться как целостный социум. Хотя индивиды могут при этом оставаться живыми, не формируя, однако, своей целостной развивающейся системы, а вовлекаясь в существование других систем.

Поскольку нам предстоит далее сопоставлять общественное и экономическое развитие, приведем определение «развития экономики», которое дается в современной экономической литературе: «Развитие экономики – это абсолютное и относительное изменение макроэкономических показателей, характеризующих состояние экономики страны во времени в течение продолжительного периода. Используемые для оценки уровня, степени развития экономики показатели называются макроэкономическими показателями социально-экономического развития». Обратим внимание на то, до какой степени частный характер имеет понятие «экономического развития» по сравнению с общественным развитием, и подчеркнем, что замена одного другим или использование их как синонимов или даже близких по смыслу категорий – недопустимо.

Развитие и прогресс

Проблема содержания и критериев «развития и прогресса» стара, разрабатывалась многими и продолжает исследоваться до сих пор, не обрета, однако, какой-то единой точки зрения. Обсуждение этой темы – одна из основных задач современного научного и общественно-политического дискурса.

Если бегло взглянуть на панораму философской мысли, уделившей этому вопросу внимание, мы увидим, что критерий развития, часто он же – критерий и цель «прогресса», видится в «развитии человеческого разума», в «степени сознания свободы», в «распространении просвещения и нравственности», в «переходе от одной общественно-экономической формации к другой и развитии производительных сил», в «процессе модернизации, т. е. переходе от аграрного общества к индустриальному, а затем и к постиндустриальному», в «усложнении социальной структуры», в «мере свободы, которую общество в состоянии предоставить личности для максимального раскрытия ее потенциальных возможностей» и т.д.

Понятия «общественное развитие» и «общественный прогресс» не только часто употребляют как синонимы, но и определяют одно через другое: «прогресс» – это «развитие», а «развитие» – это «прогресс». Это глубоко ошибочно, что не является секретом для философского научного знания⁶, однако в общественно-политической и экономической литературе это обстоятельство напрочь ускользает, приводя порой к весьма негативным последствиям. Об этих отличиях мы поговорим далее, однако так или иначе оба эти понятия наделяют качествами «совершенствовании форм человеческой жизни, потребностей, способностей их удовлетворения, в развитии науки, техники, технологии, медицины и т.д.», подчеркивая объективный характер этой тенденции, считая «восходящее развитие человечества» естественным.

Существуют и иные взгляды на суть развития и его критерий⁷. Некоторые отрицают идею прогресса как линейного восходящего процесса, считая его циклическим и колебательным. Другие отрицают существование общественного прогресса в принципе, допуская прогресс и развитие только в пределах отдельной личности, но не общества. Многие подчеркивают неоднородность и неоднотипность развития различных цивилизаций, другие, напротив, считают один единственный тип, форму и цели развития «правильным и передовым», относя прочие цивилизации и народы к «отстающим» или «застрявшим» в своем развитии: некоторые простодушно или злонамеренно считают, что «прогресс» – это путь приближения к американской модели развития...

Как видим, при таком изобилии подходов и точек зрения на развитие и прогресс легко получить удовольствие от знакомства с многообразием взглядов, легко подобрать нечто, близкое собственному состоянию в любой момент времени, но весьма затруднительно выработать политику и стратегию для общества в целом, легитимную хотя бы в глазах большинства, не говоря уж о достижении общественного согласия.

Побиск Кузнецов:

«Могущество страны надо измерять тем, насколько она способна в единицу времени накормить и напоить людей и вообще, все живое, а развитие – это максимальные и неубывающие темпы роста полезной мощности».

Население достаточно единодушно в понимании общественного развития – как развития культуры, науки, технологий, роста возможностей самореализации и т.д. Оценивая исторические периоды, мы говорим, что коль скоро в обществе появляются и в нем же реализуются такие, например, композиторские таланты, как Глинка, Чайковский, Рахманинов, Шостакович, Прокофьев, Свиридов, такие литературные таланты, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов, Шолохов, такие ученые, как Чебышев, Ляпунов, Столетов, Менделеев, Семенов, Капица, Ландау, Тамм, Басов, Прохоров – и так далее, если к этому мы добавим перечни иных достижений – технических, политических и пр., мы с уверенностью скажем, что подобный период был периодом развития и прогресса. Обращаясь к другим данным, описывающим не одних лишь гениев, а массовые, обобщенные показатели, мы тоже увидим рост и экономический, и духовный, если рассматривать, например, динамику образованности населения. Однако, если же мы при этом обратим внимание на иные процессы и явления, происходившие в то же время (XIX – XX вв.), то увидим, что далеко не все происшедшее мы назовем «прогрессом»: за этот период произошло множество войн, из них две мировые, произошло несколько революций, как минимум трижды происходили смены государственного устройства, повлекшие в том числе и тягчайшие последствия для значительной части населения как в сфере духовной, так и в материальной...

Так были ли эти два столетия периодом развития и прогресса для России и для остального мира? При этом мы еще зададимся важным уточнением: говоря о России, мы ограничиваемся оценкой успехов и неудач государств, возникавших и исчезавших на «этой территории», или говорим о содержательной стороне жизни народов, ее населяющих? Вышеприведенный и далеко не полный перечень имен показывает, что народ развивался, коль скоро из его среды на протяжении двух столетий не только появлялись гении, но и сформировалась среда, в которой они могли возникать, образовываться и реализовывать свои таланты. А вот развивались ли, «прогрессировали» ли государства – два из которых развалились (Российская империя и СССР), а судьба ныне существующих осколков вызывает серьезную озабоченность, – это, как говорится, вопрос... И вопрос не риторический, потому что каждое из этих утраченных государств демонстрировало в указанные периоды и несомненные достижения, очевидный прогресс и развитие – именно как государства, то есть инструменты, предназначенные для развития и процветания образующих их народов.

Поиску измеряемых критериев и выявлению корреляции между различными процессами посвящено важное исследование, выводы из которого состоят в следующем⁸.

Выявлена связь между количеством «исторических битв» и важнейших открытий, основанная на данных за период с XII по XX вв.: оказалось, что, чем больше было битв, а значит, и войн, тем меньше совершалось значимых научных открытий. Стало быть, войны не способствуют прогрессу, (хотя порой можно наткнуться на противоположные суждения). Автор пишет: «Хронологический мониторинг наводит на вполне определенные прискорбные обобщения: из 3500 лет исторически идентифицированного существования человеческой цивилизации всего лишь каких-либо 300-350 лет были мирными. И за этот относительно короткий для истории отрезок времени человечество, в том числе в области научно-технического прогресса (НТП), сделало то, что сделало. Можно только догадываться, чего бы добились человеческая цивилизация, если бы она была вообще освобождена от войн»⁹. Отметим в этой связи и подчеркнем, что самый длительный период мира в Европе (1945-1991¹⁰), имел место благодаря существованию и военно-политической мощи СССР и стран Варшавского договора. Именно за этот период времени осуществлен колоссальный рывок в мировом НТП. Риторический вопрос: заслуживает ли в этой связи СССР благодарности или хотя бы признания заслуги в деле «удержания мира»?

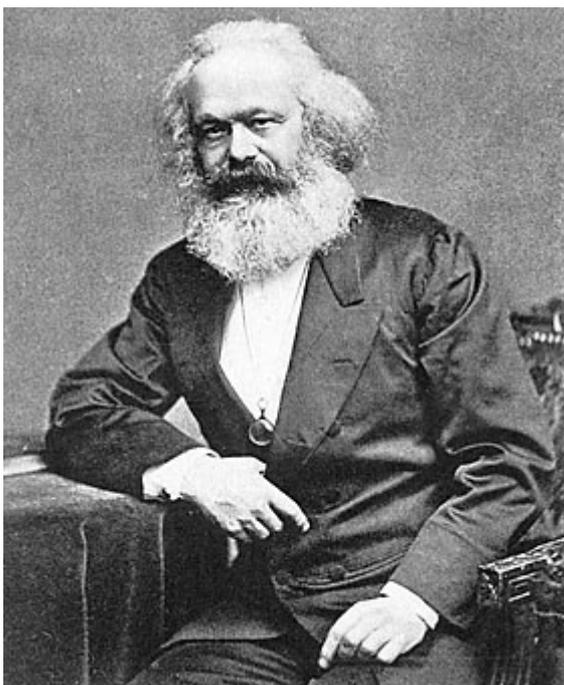
В исследовании показана прямая связь между изменениями вековых трендов численности великих мыслителей, великих ученых и важнейших исторических открытий, а в России также между ними и строительством и ростом общего количества монастырей и храмов. Выявлена также обратная связь между указанными показателями (количество открытий и ученых) и пиками исторической гиперинфляции: чем выше инфляция, тем хуже обстоят дела в науке.

На основании прямо взаимосвязанных трендов высказаны суждения о «формировании законов прогресса» и «образовании его оси, вокруг которой вращаются все окружающие и сопровождающие его события и факты». Автором сформулировано пять «законов прогресса». Не приводя здесь авторских формулировок, не все из которых, по нашему мнению, точны и убедительны, подчеркнем существенные для наших рассуждений аргументы и выводы.

Справедливо отмечая «уплотнение сроков и сокращение периодов между ключевыми событиями», характеризующими прогресс, автор делает верный вывод об «уачении ритма открытий» и одновременно сомнительный, на наш взгляд, вывод о цикличности, повторяемости, движении прогресса по спирали. Во всяком случае, это утверждение нуждается в разъяснении, поскольку представленные автором обширные данные о развитии, например, печати и издательского дела или вычислительной техники от так называемых бухгалтерских счетов до интернета свидетельствуют о восходящем тренде с изменяющейся частотой в рассматриваемые временные периоды. В то время как «цикличность» процесса предполагает как раз более или менее равномерную повторяемость, периодичность или квазипериодичность, но никак не явственное увеличение частоты возникновения явлений. Поскольку автор основывает вывод о «цикличности и движении по спирали»

именно на этом факте, сказанное нуждается в особом разъяснении: «самой примечательной закономерностью цикличного развития явилось сокращение периода между совершенными мировыми открытиями (например, с 45 лет в XIX в. до 12 лет в XX в.) и еще большее сокращение среднего срока их внедрения (с 30 до 2-3 лет)». Наше замечание относится не к малозначительному уточнению терминологии – можно или нет любой неравномерно повторяющийся процесс называть циклическим, – но к существенному онтологическому принципу цикличности и тем более – движению по спирали (для чего потребно «третье» измерение – какое?) – прогресса и развития вообще. Тем более, что «пятый закон прогресса» – «закон равнонаправленного и равномерного развития» – отрицает именно цикличность и спиралевидность его движения. Однако основные выводы и доказательная фактологическая база этого исследования исключительно важны, и мы продолжим их изложение.

Автор подчеркивает, что сформулированный им «закон равнонаправленного и равномерного развития» не только не означает автоматичности развития и прогресса, но, напротив, предполагает обязательность усилий по «регулированию и координации в пространстве и времени его темпов и пропорций на постоянной основе». Автор пишет: «В условиях былого разнонаправленного и разноскоростного развития, каким оно характеризовалось во все наблюдаемые времена, и особенно в XX в., шансов на овладение осмысленным и устойчивым пропорциональным прогрессом человечество не имело. Не имеет оно их и сегодня. Цена, которую платил (продолжает платить и теперь) человек за прогресс (и технический и экономический, и социальный и интеллектуальный), за особо редкими исключениями (изобретение огня или обретение веры), всегда и везде превышала (превышает и теперь) приносимую конечную пользу. И поэтому не случайно, а скорее закономерно, что человечество в таких условиях в своем историческом развитии не обретало, а скорее топталось на месте или даже теряло, сплошь и рядом натываясь не только на рост стоимости жизни, но и, циклически погружаясь в ее турбулентность и бифуркации, – на интегральное ухудшение ее условий, девальвирование ее исходных ценностей. Первопричиной такого неутешительного общего итога является то, что прогресс человеческого общества во все времена и практически у всех народов мира, всегда и везде, без каких-либо исключений, был и остается по своей природе разнонаправленным и разноскоростным с взаимопоглощающим двойственным началом и нулевым или близким к нему позитивным остатком. И ныне прогресс, вопреки его общему благородному замыслу, все еще ориентирован и работает по преимуществу сам на себя и лишь окольно и попутно на благо человека. И пока это имманентное противоречие прогресса не будет устранено ожидать человеку коренных перемен к лучшему не приходится».

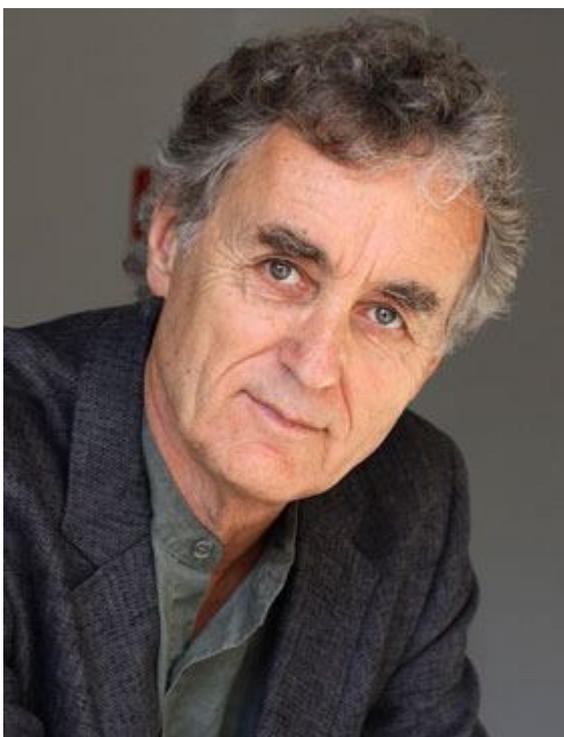
Карл Маркс:

«Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы».

Отмечая, что указанная противоречивость прогресса замечена давно, автор приводит известное и яркое высказывание, рожденное в XIX в.: «Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятным чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой

моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы»¹¹.

Приведем еще два высказывания: «Положение с прогрессом практически во всех его видах и любых формах, за особо редкими исключениями, везде и всюду на протяжении целых столетий одно и то же: прогресс есть, а человеку толку от него нет или совсем мало. А поэтому, пока мы не установили законы развития прогресса, не определили его ядро, цель и движущие силы, заниматься диагнозом, измерением и предсказанием прогресса, разрабатывать программы его профилактики и ускорения – дело практически не только бесперспективное, но и вполне бесполезное»¹². Следующая мысль позволяет нащупать некие критерии прогресса: «Смыслом исторического прогресса в любые времена и в любых условиях во всех странах мира, его альфой и омегой, его своеобразным венцом выступают экономия живого и овеществленного труда и удешевление стоимости единицы производимой продукции, способные приносить облегчение в существовании и увеличение продолжительности человеческой жизнедеятельности и жизни»¹³. Сказанное является шагом в правильном направлении, но не исчерпывает признаки развития и прогресса.

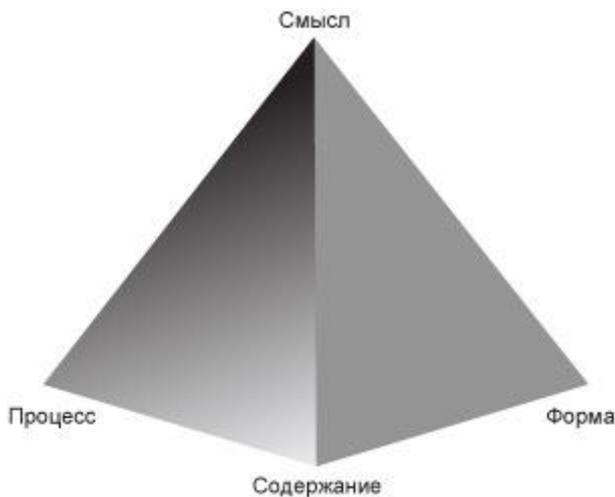

Фритьоф Капра:

«Полное осмысление социальных феноменов должно подразумевать рассмотрение с четырех точек зрения – формы, содержания, процесса и смысла».

Мы придерживаемся целостного восприятия процесса взаимодействия и взаимовлияния человека, общества и природы, в котором ничто не является главным или второстепенным. Наш взгляд на общество и на экономику тесно связан с концепциями и методами, возникшими в современных направлениях научных исследований, таких, как синергетика, теория диссипативных структур, теория сложности, концепции автопозиса и системного понимания жизни¹⁴, в том числе социальной – словом, с комплексом подходов, с которым в отечественной философской науке ассоциируют новейший период развития современного знания: постнеклассическую науку¹⁵.

Мы рассматриваем социум как живую систему и, соответственно, экономику как один из процессов, присущих живой системе, то есть как процесс жизнедеятельности. Понятие «жизнедеятельность» охватывает более широкий круг явлений, нежели «деятельность, связанную с обеспечением материальных условий жизни». Жизнедеятельность человека и общества включает в себя всю палитру жизни: и материальную, и духовную, и взаимодействие с окружающей средой – как природной, так и общественной.

Жизнедеятельность человека и общества – это совокупность процессов, протекающих в них, как живых организмах, служащих поддержанию в них жизни и являющихся проявлениями их жизни. При этом полное осмысление социальных феноменов должно подразумевать рассмотрение с четырех точек зрения – формы, содержания, процесса и смысла. «Рассматривая живые системы с точки зрения формы, мы обнаруживаем, что паттерн их организации — это самовоспроизводящаяся сеть. С точки зрения содержания, материальная структура живой системы есть диссипативная структура, то есть существенно неравновесная открытая система. Наконец, с точки зрения процесса живые системы суть когнитивные системы, в которых процесс познания тесно связан с моделью автопозиса. Системное понимание жизни может быть распространено на сферу общественного путем добавления к трем вышеупомянутым подходам к рассмотрению жизни четвертого – рассмотрения с точки зрения смысла. При этом я использую термин «смысл» для краткого обозначения внутреннего мира рефлексующего сознания, включающего в себя огромное количество взаимосвязанных характеристик»¹⁶.

Обратим при этом внимание на замечание, высказанное М.А.Румянцевым: «Критику либерального позитивизма и утверждение принципов холистического (целостного) подхода к изучению экономики можно сегодня обнаружить едва ли не в каждом сочинении, посвященном вопросам методологии. Однако диалектика Платона – Гегеля – Маркса, принципы «русского космизма», теория самоорганизации сложных систем и концепции синергетики сами по себе не могут быть панацеей. Ценность того или иного методологического кредо определяется только конечным результатом исследования – новым знанием»¹⁷.

Илья Глазунов. «Вечная Россия»

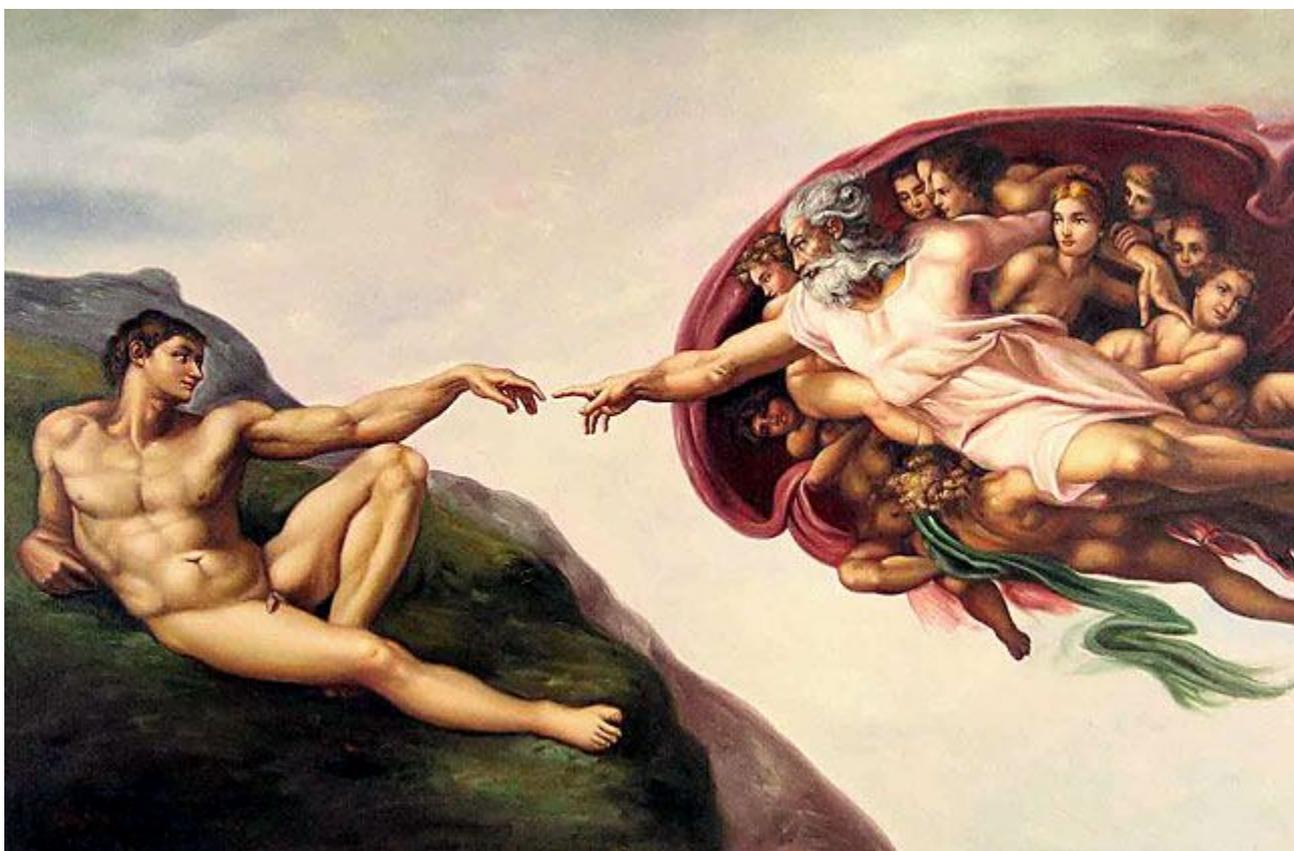
Смыслы, ценности, и цели

Было бы удобно и просто, если бы нам каким-то образом стало «точно известно» – зачем существует тот или иной народ, каковы цели его существования, какие ценности он должен и может сохранить, и, наконец, измерением каких «смыслов» являются эти ценности. У нас, однако, нет ответов на эти вопросы. Но у нас есть возможность их задавать и пытаться отыскать пути, ведущие к ним.

Взгляд на историю и культуру народа, длящуюся столетиями, являющуюся цельной и непрерывной, позволяет предположить, что народ передает из поколения в поколение какие-то важные «смыслы»¹⁸. Мы затрудняемся представить их в виде таблицы или перечня, но на интуитивном уровне ощущаем и на рациональном уровне осознаем факт их существования. Языком религии эта мысль может быть выражена так: «замысел Божий о русском народе существует». Хотя мы его «высший смысл» не знаем.

Приведем несколько формулировок из статьи, посвященной поиску связи между «смыслами и ценностями»: «Смыслы – являются продуктом совместной социокультурной (духовной) деятельности людей, социокультурной (духовной) деятельности народа, нации, цивилизации как единого целого. Смыслы – это наиболее глубокие для данного народа, признаки и основания для его общности и для его выделения как элементарной социальной единицы человечества. Смыслы – сердце народа. Смыслы – суть коллективная мифологическая модель мира данного народа. Один народ отличает от другого смыслы, свойственные каждому из них и уникальные для каждого из народов. Смыслы народов есть то, что объединяет отдельных людей в единый народ. Не язык, не ценности, не архетип, а именно смыслы есть основа различий всех народов»¹⁹.

Над этими «смыслами стоит поразмыслить». В сказанном утверждается – на наш взгляд, верно, – что в каждом народе существует «нечто», названное автором «смыслами», являющее собой некую сердцевину, некий системообразующий признак и одновременно источник народа. На наш взгляд, слово «смысл» является шагом в правильном направлении, но, возможно, не окончательно найденной категорией. Категория «смысл» – рациональна. В то время как описываемая «сердцевина» несомненно содержит в себе и иррациональные, метафизические категории, которые обозначать словом «смысл» можно лишь с некоторыми оговорками. Кроме того, использование слова «смысл» в контексте статьи очень напоминает «умножение смыслов» по Оккаму. Близкие по смыслу (тавтологичность угрожающе близка!) понятия, использующиеся в рассуждениях на сходные темы, это «менталитет», «эгрегор», «коллективное бессознательное», «самоидентификация», «историческая память», «традиция», «культурный код» и др. Наконец, коль скоро понятие «смысл» (впрочем, как и приведенные аналоги) не может быть представлено в виде перечня практически осязаемых категорий, могущих быть использованными в социогуманитарных и политических технологиях, его роль – несомненно, очень важная – останется в рамках постижения фундаментальных основ. А для практической работы, возможно, понадобятся его производные.

Микеланджело Буонарроти. Деталь росписи «Сотворение Адама»

Второе уточнение касается противопоставления автором «смыслов» и «архетипов»: «Смыслы коренным образом отличаются и от архетипа народа. ...Архетип – чисто психологический феномен, суть – доминирующие в рассматриваемом народе типы и виды реакции на внешние и внутренние раздражители. ...Архетипы суть архаичные образования в том смысле, что их можно проследить вплоть до животных. Архетипы едины для всех народов в том смысле, что это проявление в психике конкретных людей общих начал, проявление индивида как представителя всего человечества. ...В отличие от архетипа система смыслов народа изначально является культурным образованием и имеет к материальной природе или психике лишь опосредованное отношение. Это не врожденное, не архаичное и даже не благоприобретенное, это созданное народом в момент его образования, его собственная ось»²⁰.

Соглашаясь в том, что «архетип – психологический феномен», мы не стали бы сводить все устойчивые психологические феномены к архетипам. Полагаем очевидным существование национально-психологических особенностей и устойчивых, в том числе и подсознательных, психоэмоциональных реакций, являющихся следствием влияния среды и культуры²¹. На наш взгляд, эти особенности не менее важны, чем «смыслы». Именно эти особенности воспринимаются как его эмоциональные реакции и предпочтения, как «душа народа». Поэтому «сердцевина народа» в каждый момент или период его существования определяется комплексом, состоящим из «смыслов» и «национального психотипа».

Обратимся к размышлению автора о связи введенных им «смыслов» и «ценностей»: «На основе общих смыслов вырабатываются общие ценности для людей, составляющих один народ, создается культура, характерная для данного народа. Поэтому не могут существовать абстрактные, т.н. общечеловеческие ценности, ценности в отрыве от конкретного народа, конкретной нации, конкретной цивилизации». Нам близок полемический азарт и желание «окоротить» пропагандистов «общечеловеческих ценностей». Но мы, тем не менее, не согласимся признать их несуществующими, хотя и не станем в настоящей статье уделять этой теме внимание. Гораздо существеннее следующие утверждения²².

«Ценности – это критерии оценки реальных и символических действий в жизни. Ценности – критерии приемлемости каких-то институтов, методов, подходов. Ценности – критерии, построенные на основе смыслов с помощью языка. Ценности – критерии явные, обычно осмысленные и в современных нациях часто достаточно строго формализованные».

«Смыслы каждого народа формируют свои собственные ценности, не сводимые к ценностям других народов, даже если они называются похоже. Но существуют ценности, просто не переводимые на смыслы других народов».

«В поле зрения народов попадает только то, о чем они могут осознано рефлексировать. Если какое-либо явление, или ценность, или императив не является предметом рефлексии народа, то оно не является для него ни ценностью, ни моральной установкой. Оно не замечается и соответственно не применяется. Но поскольку и ценности, и мораль народа, строятся на основе его системы смыслов, то и причина взаимной слепоты или непонимания народов кроется именно в несводимости системы смыслов одного народа к системе смыслов другого народа. Соответственно, многое при общении двух народов с достаточно удаленными системами смыслов останется незамеченным, или они будут сосредотачивать свое внимание на несущественных мелочах».

«Вторичность ценностей по отношению к смыслам ведет к невозможности привития чужих ценностей на почву старых смыслов, иначе на почву существующего народа».

«Ценности изменяются как с течением времени, так и со сменой обстоятельств. Ценности локализованы во времени и конкретны в нем. Ценности имеют непрерывную историческую наследственность... Сегодняшние ценности суть результат длительного эволюционного процесса, часто проходящего под мощным внешним влиянием, которое у каждого народа было свое».

С большей частью этих утверждений мы согласимся. Уточнений требует, пожалуй, следующее: «В поле зрения народов попадает только то, о чем они могут, осознано рефлексировать». Утверждение было бы более точным, если бы говорилось не о «поле зрения», а о «рациональном поле зрения». Потому что как у индивида, так и у социума имеются иррациональные, подсознательные, неосознаваемые ощущения, устойчивые эмоции и определяемые ими поведенческие и ценностные ориентации. Соответственно, высказывание о «системе смыслов как единственном базисе ценностей и морали» не обладает полнотой. Необходимо также указать, что любое сравнение «систем смыслов» разных народов носит умозрительный характер. Практически осязаемым и актуальным является сопоставление и противоборство систем ценностей, в том числе, и моральных – возможно, и происходящих от «систем смыслов», – но не самих «смыслов», не поддающихся анализу и сравнению. Несмотря на сделанные замечания, попытки автора отыскать «носителя корневой сути» народа следует признать своевременными и плодотворными.

Поскольку, как мы отмечали, практическая работа со «смыслами» (или аналогичными «корневыми сущностями») затруднена, в то время как их производные²³ – ценности – поддаются рациональному осмыслению, измерению, воздействию и т.д., мы предлагаем в качестве практического базиса «корневого ядра» народа рассматривать его «ценностное ядро».

Возвращаясь к теме развития, скажем, что подход к выработке критериев развития и прогресса, учитывающий динамику «ценностного ядра», степень его упругости и пределы прочности, нам представляется перспективным и продуктивным.

Ценностное ядро

Категория «ценностное ядро» как социологический параметр находится в стадии формирования, но как политологическая категория, как параметр и критерий практической политики – пока не существует. Мы его здесь употребляем как политологический концепт, понимаемый частично интуитивно, частично опирающийся на социологические категории и методы.

Возможности социологии позволяют с уверенностью ожидать, что это понятие может из метафоры стать измеряемым, рабочим параметром. Путем опросов проводится анализ ценностных предпочтений населения. Ценностный мир индивида динамичен и подвержен постоянному воздействию. И далеко не каждым осознается то, что можно назвать индивидуальным ценностным ядром в ранге «смысла жизни». Не всегда осознается и даже не всегда существует устойчивое ценностное ядро социальной группы. Задача выявления ценностного ядра населения России, его всесторонней верификации еще не решена. Надеемся, что эта тема станет предметом постоянных исследований. Можно ожидать, что в ценностном смысле Россия – «многоядерная держава». Потому что в обществе имеются различающиеся по своим ценностным ориентациям группы населения. И выявить их ценностные предпочтения и иерархии, опираясь только на более очевидные признаки – этническую принадлежность, политическую ориентацию, вероисповедание или отсутствие такового – невозможно. Границы ценностных и всех прочих ориентаций не совпадают, хотя, несомненно, можно говорить об их корреляции.

Этот комплекс проблем необходимо целенаправленно исследовать, стремясь в процессе изучения ценностных предпочтений к выявлению ценностных ядер²⁴.

Разговор о ценностях в российском общественно-политическом дискурсе носит в основном характер отрицания ценностей предшествующего периода в истории страны, «ставших чуждыми», и в меньшей степени несет в себе позитивное предложение. Кроме того, то предложение «новых ценностей», которое было – да и сейчас продолжает быть – характерным, несет в себе ориентацию либо к ценностям других стран и народов, избранных для подражания, либо к фрагментам ценностных систем, существовавших в России в прежние времена. Проблемой этих подходов является либо обращение к «чужим» ценностям без анализа возможности их пересадки на отечественную почву, либо политизированная фрагментарность прежде бывших ценностных систем. Продуктивным может стать только то обращение к ценностному базису, которое опирается на реальное знание «матрицы ценностей» современного российского общества, сотканного из очень разнородного материала.

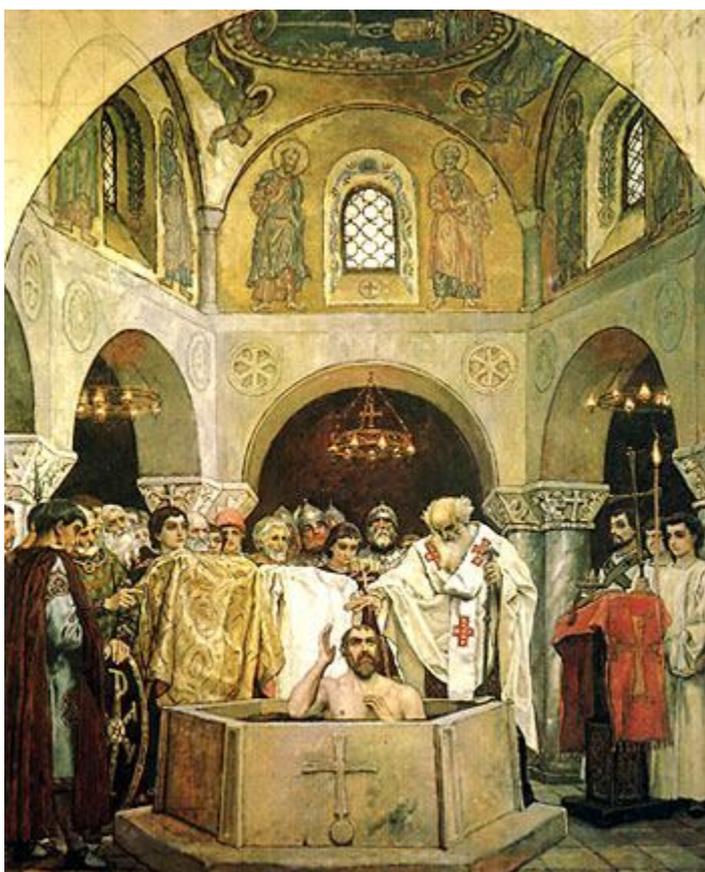
Важным общественным явлением в обсуждении ценностной системы стала инициатива РПЦ, проведшей конференцию на тему «Национальная система ценностей как залог процветания России», на которой была представлена концепция «Вечные ценности – основа российской идентичности»²⁵. В «Концепции» подчеркивается, что «ценности нации определяют систему внутреннего устройства национального бытия, существо внутренних отношений власти и народа, формулу государственной власти и существо государственности России» и предложен неисчерпывающий перечень ценностей, которые предлагается дополнять и корректировать: 1) справедливость; 2) свобода; 3) солидарность; 4) соборность; 5)

самоограничение (жертвенность); 6) патриотизм; 7) благо человека и его достоинство; 8) семейные ценности: любовь, верность, забота о детях и стариках.

Предложенный перечень отражает одновременно и существующий у части населения базис системы ценностей, и образец «должного», «вечного» с точки зрения Православия базиса.

Для изучения реального положения дел необходимо продолжение работы над выявлением и осмыслением «ценностных ядер» российского общества во всех его слоях и группах. Для понимания происходящего со страной и обретения утраченной возможности управления стратегией развития надо точно знать, какие системы ценностей существуют в нашем обществе, какое количество граждан является их приверженцами, насколько устойчивы те или иные предпочтения. И – самое главное: какова динамика ценностных ориентаций, к чему движется общество и нет ли угрозы столь глубокой его ценностной трансформации, после которой тот народ, на котором держится и существует государство, исчезнет, превращаясь в некий иной народ, которому не будет нужно ни развитие, ни государство как инструмент, защищающий и обеспечивающий его существование с определенной системой ценностей.

Важно выявлять и отслеживать то, что в обществе может и должно изменяться, а что является его центральной, неизменной сущностью. Есть ли у общества некое «главное ценностное ядро», изменение или утрата которого приводят к ликвидации самого общества, его распаду на слабо связанных друг с другом индивидов, которые вследствие этого могут погибнуть или быть поглощенными каким-то иным обществом? Но мало выявить наличие или отсутствие подобного «ядра», надо попытаться понять, при каких обстоятельствах спасение ядра и общества есть безусловное благо и единственная возможность выживания и развития составляющих его индивидов, а при каких благом следует признать отказ от «ядра» и трансформацию в некое новое общество вокруг нового «ядра»?

Виктор Васнецов. «Крещение Святого князя Владимира»

В качестве исторических примеров можно привести принятие христианства на Руси: это был отказ от прежнего «ядра», существенной частью которого была религия, называемая ныне язычеством. Произошло полное и целенаправленное разрушение язычества и формирование нового «ядра», в котором существенной частью стала новая религия – христианство. Такая глубинная трансформация, по мнению большинства экспертов, позволила народам и племенам, вовлеченным в этот процесс, перейти на новый уровень политического, экономического и духовного развития. Таким образом, утрата и разрушение «языческого ядра» – сколь бы жестокими и болезненными они ни были – многими признаны благом.

Ценностное «ядро» народа состоит не только из религии, но, прежде всего из культуры в целом: языка, традиций, исторической памяти, норм и правил поведения, деятельности – то есть всей сложно структурированной и организованной системы ценностей.

В истории множество примеров, когда отказ от какого-то важного компонента этой системы (например, языка) приводил к ассимиляции, исчезновению народа. Подобные процессы неоднозначно оцениваются потомками и ценителями исчезнувших народов, поскольку утрата одного, пусть и столь невосполнимо ценного качества, как язык, позволяла сохранить возможность физического выживания и последующего развития в новом качестве. Альтернативой этому, как правило, оказывалось либо физическое истребление, либо ассимиляция третьим, воспринимаемым как «более чужой» народом. Есть примеры и того, как утрата языка не приводила к ассимиляции: длительное существование евреев в самых разных культурно-языковых средах с сохранением этно-религиозной идентичности.

Россия и населяющие ее народы за последние сто лет претерпели огромные по своим масштабам трансформации «ценностного ядра». Отказ и разрушение ценностного ядра, вокруг которого сформировалась и существовала Российская империя, привел к последствиям как трагическим, так и позитивным. Ломка старого ядра сопровождалась многочисленными жертвами, трагедиями, попранием морали, остановками развития... Однако формирование и обретение нового, «советского ценностного ядра», во-первых, состоялось, а, во-вторых, позволило не только физически выжить сохранившейся после трагедии части народа, но и продолжить свое развитие, причем на качественно ином уровне, сохранив, однако, при этом очень существенные части прежнего, «имперского» ядра». Народы и народности сохранили свои языки, сохранили знание своей истории – пусть и в откорректированном виде, сохранили даже религии – существенно ограниченные в своей социальной активности, подвергшиеся мощному давлению государственного атеизма и прямым гонениям, но не измененные канонически. Во многом сохранился прежний моральный базис общества, сохранилась его суть, облеченная в новые слова с попыткой расширения базиса морали. Не только сохранилась, но и многократно приумножилась ценность знания, умения, мастерства. Сохранились многие представления о способах совместного выживания, «общезития» – и многое другое, что следует внимательно исследовать и объективно оценить: как потери, так и обретения.

Вторая за столетие «ломка ядра» происходит сейчас. Ее отличие от предыдущих состоит, видимо, в том, что, если раньше на смену отвергаемому «ядру» предлагалось новое: условно говоря, «христианское» ядро вместо «языческого», «советское» вместо «имперского», то теперь контуры нового ценностного ядра не видны, не выявляют себя, хотя ломка прежнего ядра продолжается уже более двух десятилетий. Возникает ощущение, что равнокачественная замена – одних ценностей и идеалов на другие ценности и идеалы – не осуществляется, а, возможно, и не планируется. Тогда произойдет не замена «чего-то» на «что-то», а полное разрушение, замена «чего-то» на «ничто», происходящее под лозунгом «постмодернизма». Это вызывает особую тревогу в силу высокой неопределенности системы ценностей не только возможного будущего, но и уже наступившего сегодняшнего дня.

Ценностное ядро, являющееся источником и опорой развития, содержит в себе стремление к лучшему будущему, в нем имеются идеалы будущего, к которым следует идти. Для нашей культуры и духовно-нравственной традиции ценностному ядру присущи такие категории, как справедливость, доброта, взаимовыручка, бескорыстие, высокий общественный статус образования, нравственного и физического здоровья, почитание родителей и предков.

В конечном счете, непонимание процессов, происходящих в «ценностных ядрах», выливается в неудачи реформаторских попыток, опирающихся на несуществующие или малозначительные для нашего народа ценности. Вот почему исследование проблемы развития общества и, в частности, соотношения развития общества с экономическим развитием является актуальным.

Развитие, прогресс и ценностное ядро

Рассуждения о развитии и прогрессе приводят к выводу о необходимости иметь определенную систему координат, определенное пространство качественных и количественных категорий, в котором можно выделить «направление прогресса» и противоположное ему «направление регресса». Это пространство и эту систему координат еще предстоит определить, отыскать. Выше были названы некоторые критерии развития. Но ни один из них, однако, не дает надежного признака для различения прогресса от регресса и развития от «неразвития». Всегда можно представить себе ситуацию роста, например, степени сложности какой-либо системы, воспринимать это как развитие и прогресс, однако прийти в результате к неуправляемости или ненадежности сверхсложной системы с последующим ее саморазрушением или, хуже того, ее «саморазвитием», подобным раковой опухоли. Аналогичные рассуждения могут быть предложены и для критериев «роста разума», «развития науки и техники» и, тем более, «роста уровня жизни», столь широко используемого в экономике и социологии.

Понятия «прогресс», «регресс», «застой» и т.п. нуждаются во внимательном и регулярном уточнении, поскольку они активно используются в общественно-политической и экономической лексике, на них ориентируются люди, слушающие политиков и пропагандистов. Однако, например, общеизвестный «брежневский застой» обеспечивал равномерный рост ВВП со скоростью, которой сегодня достичь не удается. Что же тогда является критерием «застоя»? Возможно, речь идет об остановке политического, а не экономического развития? Или каких-то конкретных (не измеряемых ростом ВВП) характеристик экономики?

В сегодняшней жизни произошла колоссальная дезориентация общества в вопросах критериев прогресса и развития. Огромное влияние на представление об общественном развитии оказывают представления об экономическом развитии. Рост производства и потребления пытаются – и небезуспешно – внедрить в качестве основного критерия прогресса и качества жизни. То, что это ошибочный критерий, пригодный для оценки лишь некоторых частных процессов существования конкретных обществ в конкретные периоды времени, а не общественного развития в целом, ясно давно, хотя бы в силу природных ограничений ресурсной базы для производства и не менее объективных ограничений потребления. Это понимание не стало, однако, равноправным критерием в процессе принятия политических решений, касающихся стратегий развития: в них не находится места для «смыслоценностных» категорий.

Мы видим исключительную важность разработки проблемы критериев развития и прогресса применительно к сегодняшним общественным процессам. При этом считаем важным введение в рассмотрение той концепции «ценностного ядра», о которой было сказано выше. При выработке критериев развития и прогресса общества, необходимо самым тщательным и самым глубоким образом исследовать его ценностное ядро и его динамику в происходящих, планируемых и ожидаемых процессах. В этой связи признаком развития и прогресса может и должно служить движение общества к наиболее полному воплощению и практической реализации системы ценностей, выработанной социумом на протяжении всего своего существования и осознаваемой как историческое предназначение. Если процессы духовной и материальной жизни общества вынуждают его к полному или частичному отказу от своей системы ценностей, от ценностного ядра, возникает риск его гибели. Потому что общество с иной, «новой» системой ценностей – это уже «новое» общество, а прежнее при этом – исчезло. «Хорошо» это или «плохо» – вопрос жизненно важный. Но чтобы суметь вовремя дать на него ответ, надо уметь измерять и контролировать процессы развития и трансформации ценностного ядра.

Не имея пока универсального пространства и системы координат, позволяющих идентифицировать «прогресс» и «развитие», мы можем, однако, приводить примеры рассуждений на эту тему, позволяющие сформировать предварительное представление об этом. Снова рассматривая, например, произошедшие в России общественные трансформации XX века, можем указать на следующее. В ходе периода строительства социализма в СССР ценностное ядро, сложившееся в дореволюционный период, включало в себя как одну из важнейших частей религию и церковь. В качестве примера мы будем иметь в виду Православную Церковь как основную. В ходе строительства социализма эта часть «ценностного ядра» подверглась сложной и неочевидной трансформации. Со стороны государства осуществлялось явное и жесткое гонение на церковь и верующих, сокращалось общественное влияние религии и церкви. В то же время в области духовной жизни – а именно духовная, метафизическая сфера составляет суть ценностного ядра – наряду с открытым и тайным сопротивлением, сохранением веры и преданности церкви шли процессы как отказа от религии, становления массового неверия, так и перехода в состояние неопределенной религиозности, веры «в своего бога». Метафизическое ценностное ядро народа сопротивляется, пытается сохранить некую важную «зону веры во что-то и в кого-то», сберегая в народе самую возможность и подсознательный навык «верить». В частности, эта возможность и эта потребность реализовывалась в нерелигиозных, безбожных верованиях «в коммунизм», «в Ленина», «в русский народ», «в свою семью и друзей» и т.д. Ясно, что сохранение возможности, навыка и стремления «верить» есть важнейшее качество ценностного ядра, утрата которого означала бы тотальный цинизм и войну всех против всех на уничтожение.

Оценки произошедшей трансформации этой части ценностного ядра до сих пор разнятся: от признания этого катастрофой до признания того же самого прогрессом. Есть и более взвешенные оценки, отмечающие, что произошедшие замены и перемены «равнокачественные»: то есть на смену одной вере, одним идеалам пришла другая вера, другие идеалы: но это все-таки идеалы, а не отказ от идеального вообще!

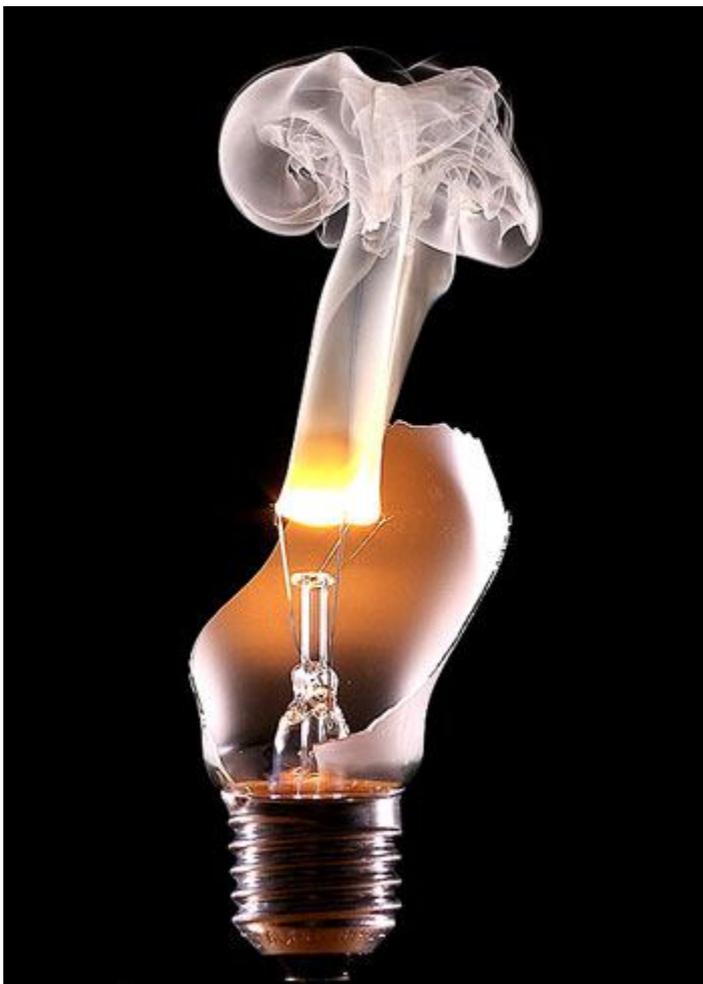
”

«Дореволюционное» ценностное ядро содержало в себе представление о времени и месте человека в нем как о циклическом, повторяющемся процессе, если говорить о подавляющем большинстве населения, то есть о русском крестьянстве. Повторяющийся годовой цикл, повторяющиеся из поколения в поколение трудовые навыки, отсутствие или недостаточная развитость того, что теперь называется социальной мобильностью, представление о земной жизни, как предуготовлении к жизни небесной – все это формировало определенную картину пространственно-временных и социальных координат большинства русских людей. Революция 1917 года сломала не только социальное устройство общества, но и эту часть ценностного ядра.

Второй пример. «Дореволюционное» ценностное ядро содержало в себе представление о времени и месте человека в нем как о циклическом, повторяющемся процессе, если говорить о подавляющем большинстве населения, то есть о русском крестьянстве. Повторяющийся годовой цикл, повторяющиеся из поколения в поколение трудовые навыки, отсутствие или недостаточная развитость того, что теперь называется социальной мобильностью, представление о земной жизни как предуготовлении к жизни небесной – все это формировало определенную картину пространственно-временных и социальных координат большинства русских людей. Революция 1917 года сломала не только социальное устройство общества, но и эту часть ценностного ядра, предложив взамен линейную картину движения, «стрелу времени» и наряду с этим расширенный набор траекторий возможного социального движения и личного роста, активно поддерживаемый государственной властью.

И у этой трансформации есть разные оценки. Одни считают, что произошедшее есть очевидный и бесспорный прогресс и развитие. Другие считают, что безвозвратная утрата патриархального мира русского крестьянина не просто огромная трагедия многих людей, а гибель русского народа вообще, что «социальная мобильность», полученная взамен устойчивой

цикличности, есть деградация и вырождение, сползание в пучину безнравственности и такое повреждение душе, которое страшнее физической гибели.

”

В последние двадцать лет мы наблюдаем неуклонное уменьшение фактов духовного производства: научных исследований и публикаций мирового уровня, прорывных технологий даже в традиционно развитых в России/СССР областях, таких как физика, химия, авиа- и двигателестроение, космонавтика, радиотехника, энергетика и т.п. В стране перестали появляться литературные и музыкальные произведения мирового уровня и значимости, кинематограф являет собой жалкое зрелище попыток безграмотного эпигонства и утраты художественных достоинств. И все это происходит на фоне стремительного распада экономической системы страны, ее выпадения из большинства сфер мирового производственного процесса. Налицо констатация, как минимум, остановки развития.

Третий пример. За время строительства социализма в СССР сложились определенные формы хозяйствования и организации жизни: вокруг крупных, а порой и средних предприятий складывалась особая инфраструктура: детские сады и дома отдыха, пионерские лагеря и ведомственные поликлиники и больницы, жилье и системы жизнеобеспечения.

Соответственно, в сознании людей сформировались определенные ценности (ценности в философском, аксиологическом смысле, то есть не одни лишь бытовые достоинства или недостатки) такого коллективизма, такого – во многом патриархального, соборного – жизнеустройства. Соответственно, выстраивались и встраивались в подсознание определенные формы взаимоотношений между людьми, доверия и недоверия, критериев качества собственной жизни, ее смысла и целей. Эта форма и это содержание стали продолжением и в значительной мере заменой той части «метафизического ценностного ядра» народа, которая сформировалась в глубокой древности, которая протянулась к нам от первобытнообщинных времен и гибели которой метафизическое ядро сопротивляется и будет сопротивляться. Потому что это глубинные, подсознательные ценности, присущие народу, во всяком случае, значительной его части, каковые составляют и во многом определяют его менталитет. Идущие сейчас процессы реформирования экономики России привели к тотальной гибели подобных социально-экономических единиц, породив огромное количество неразрешимых проблем, получивших известность под названием «пикалевский синдром». Продолжение этой экономической политики потребует жестокой и насильственной трансформации жизни сотен тысяч людей, затрагивающей не только внешнюю сторону «обустройства жизни», а глубинное разрушение ценностного ядра. В то время как этого можно было бы и не делать, обратившись к зарубежному опыту, например, японскому или корейскому.

В последние двадцать лет мы наблюдаем неуклонное уменьшение фактов духовного производства: научных исследований и публикаций мирового уровня, прорывных технологий даже в традиционно развитых в России/СССР областях, таких как физика, химия, авиа– и двигателестроение, космонавтика, радиотехника, энергетика и т.п. В стране перестали появляться литературные и музыкальные произведения мирового уровня и значимости, кинематограф являет собой жалкое зрелище попыток безграмотного эпигонства и утраты художественных достоинств. И все это происходит на фоне стремительного распада экономической системы страны, ее выпадения из большинства сфер мирового производственного процесса. Налицо констатация, как минимум, остановки развития.

Если наряду с остановкой развития размывается или неясным пока образом трансформируется и ценностное ядро, то возникает угроза «остановки навсегда», деградации, регресса. Следствием этого может стать неспособность народа сохранить государственность с последующим растворением индивидуумов, некогда формировавших народ, в окружающем изменяющемся мире.

Развитие, прогресс, ценностное ядро и глобализация

Чехословакия, 1968 г.

Любой период собственной истории, воспринимаемый как позор или ошибка, существенно ослабляет народ, переводит его в другую «весовую категорию» – в категорию народов с короткой и позорной историей.

Россия «ввергнута» в процесс глобализации и это процесс столь же объективный, сколь и неотвратимый. Его последствия в экономике и политике изучаются, и многое удается осознать и предсказать²⁶. Трансформация ценностей российского общества в результате глобализации изучена в меньшей степени, а повреждения «ценностного ядра» не изучены вовсе. Хотя мы пока и не определили в виде «исчерпывающего перечня» – что есть «ценностное ядро», мы можем достаточно уверенно предполагать, что у разных народов имеются разные ценностные ядра. Это проявляется в существовании разных этносов и цивилизаций, разных государств и форм общественного устройства. Не требует отдельных исследований и достаточно очевидное предположение о том, что взаимодействия и влияния народов и государств друг на друга всегда

есть взаимодействия и влияния их «ценностных ядер». Последствия этих взаимовлияний в истории известны: сосуществование без разрушения друг друга; симбиоз и ассимиляция – взаимная или одного в другом; порабощение и уничтожение одного другим; процесс борьбы и т.д.

Рассматривая историю трансформаций и деформаций российского ценностного ядра, можно – на предварительном и во многом пока умозрительном уровне – предположить, что ядро в основном цело и сохранило свою идентичность. Основанием для этого может служить факт неразрывной целостности русской (российской) культуры в ее основных компонентах: язык и созданная на нем литература, музыка, изобразительное искусство и архитектура, религии и светский гуманизм, ощущение непрерывности исторической судьбы, корпус знаний, зафиксированных в письменных источниках на общем для всех языке, способность к взаимопониманию и т.д. И – что самое главное – у этой целостности есть «физические носители», то есть достаточно много людей, ощущающих свою неразрывную, глубинную связь с названным.

Что в нашем ценностном ядре затрагивает процесс глобализации, а также происходящие или планируемые социально-экономические преобразования?

Один пример последствий глобализации и экономических реформ мы привели – «пикалевский синдром». Это размывание существенной части ядра, связанной с фундаментальным коллективизмом, способом общежития народа. Если на смену одному коллективизму не будет предложен другой коллективизм – это нанесет существенный урон и ослабит ценностное ядро.

Есть и другие угрозы ценностному ядру. Например, снижение образованности и статуса образованности; разрывы в целостности восприятия культуры (литературы, музыки и т.д.), вытеснение своей культуры – другой. Это шаг к ассимиляции.

Угрозой является и разрыв целостности позитивного восприятия собственной истории. Любой период собственной истории, воспринимаемый как позор или ошибка, существенно ослабляет народ, переводит его в другую «весовую категорию» – в категорию народов с короткой и позорной историей. Для истории народа ее непрерывная протяженность, непрерывная цепочка побед и гордости за них – это ее сила и мощь, фактор влияния, источник силы.

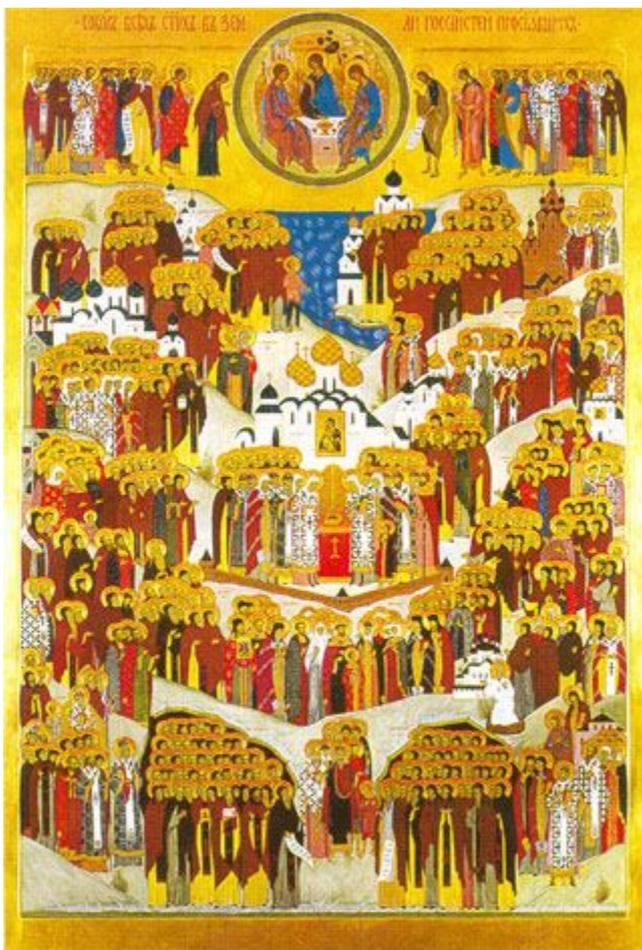
Угрозой является нарушение равновесия между религией и светским гуманизмом. До возникновения светского гуманизма религия целиком обеспечивала функцию духовного базиса и сохранения нравственного начала в ценностном ядре народа. С появлением, развитием и устойчивым влиянием светского гуманизма, прочно закрепленного в культурной ткани общества, он также явился важной опорой духовной, нравственной жизни. В настоящий – постсекулярный – период обществу необходимы и религия и светский гуманизм, пребывающие в состоянии невраждебного взаимодействия, направленного на развитие.

Угрозой является утрата способности к взаимопониманию, к диалогу, раскол общества. Это, по-видимому, наиболее острая проблема российского общества и наиболее реальная угроза его гибели.

Глобализация состоит из процессов, которые можно условно считать объективными, и процессов, которые следует считать субъективными и никакими иными. Условно-объективные – это процессы взаимодействия и конкуренции государств и их объединений, ТНК и т.д. Субъективные – это конкретные действия и операции по ослаблению или уничтожению конкурента в борьбе, вплоть до разных видов войн: «холодной», «горячей», «информационной», «цветных революций» и др. Часть подобных действий оказывает воздействие (прямое и косвенное, побочное и целенаправленное) на то самое ценностное ядро, разрушение которого приводит к исчезновению народа как целого и созданных им институтов: корпораций, государств и государственных союзов.

Так, например, открытость экономики России, включение ее в мировую экономику, выравнивание цен на энергоносители – эти шаги и возникшие последствия привели не только к «пикалевскому синдрому», но и к деградации промышленного производства вообще и, как следствие, снижению не только уровня жизни, но и уровня образованности и соответствующих целей и возможностей личного и общественного развития. Последствия процессов «перестройки», «демократических реформ», «реформ Гайдара», процессов приватизации и криминализации системы экономического и государственного управления заслуживают отдельного анализа, поскольку они существенно повредили ценностное ядро российского общества, приведя его в состояние, близкое к полной гибели.

Развитие, прогресс, ценностное ядро, глобализация и Родина

Икона «Собор Всех Святых, в земле Российской просиявших»

Мы коснулись понятия «Родина» и указали на его отличия от места рождения, пребывания и т.д. В связи с особой важностью этого понятия и его глубокой взаимосвязью с развитием и ценностным ядром вернемся к нему еще раз.

Прежде всего, выскажем предположение, что «Родина» и, соответственно, «чувство Родины» присуще не всем и не всегда. Оно может возникать и исчезать в зависимости от многих обстоятельств. Во всех случаях, когда оно есть в душе человека, оно, в случае разлуки с Родиной как со страной, вызывает ностальгию. Огромной силы тоска по России – как Родине в самом высоком метафизическом смысле – охватила русскую эмиграцию послереволюционного периода. Разумеется, и среди эмигрантов были люди, не испытывающие этой смертельно изматывающей боли по утраченной Родине. В качестве простых общеизвестных примеров можно напомнить кинематографические образы персонажей «Бега»: Корзухин, Чарнота, Голубков, Хлудов, Тихий... Все они русские люди, утратившие Россию, но не все они утратили Родину.

В период распада СССР, после распада и до сегодняшнего дня за пределами России остаются миллионы этнических русских – граждан СССР. Что и как они переживали в момент краха Советского Союза? Для одних это стало гибелью Родины, для других – нет. Для кого-то спасением казался возврат в уцелевшую часть России, и они устремились туда, терпя лишения, неся потери, рискуя собой, семьей, благополучием: потому что не могли потерять связь с Родиной. Им казалось, они надеялись, что нахождение в пределах исторической части России, в русской культурно-языковой среде позволит не утратить связь – в том числе и мистическую – с Россией. А для других этнических русских откол от СССР в составе какой угодно иной этнокультурной, религиозно и политически враждебной среды казался не только приемлемым, но оправданным и даже желанным, поскольку сулил более высокий материальный уровень и приобщение к «Западу»²⁷.

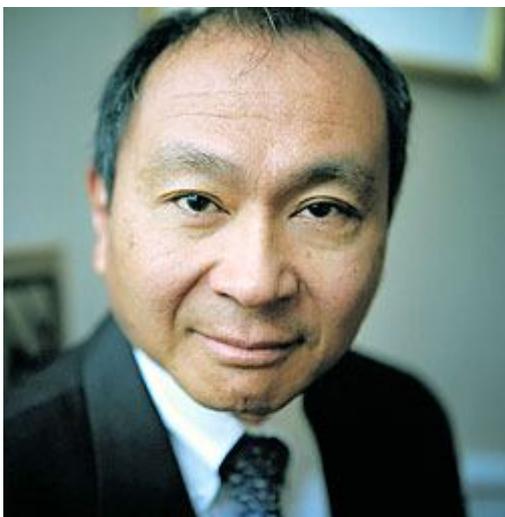
Говоря о Родине, нельзя не сказать об ощущении ее некого, не всегда ясно и рационально осознаваемого, предназначения. Предназначение может быть сформулировано как миссия, может быть заявлено политической элитой как высшая цель – так, например, делалось в СССР, провозглашавшем себя в ранний период своего существования как исток и движущую силу мировой революции, а период позднего развития – как средство и место построения коммунизма в одной отдельно взятой стране. Мессианская роль провозглашается и в США, чья политическая элита позиционирует страну как оплот демократии и свободы. Не всегда провозглашенные элитой мессианские цели воспринимаются большинством населения на эмоциональном уровне, и не они формируют метафизическую основу чувства Родины. Чаще всего это чувство остается именно чувством, не обретая рациональных дефиниций, основываясь на неосознанном доверии к неким, пусть и не до конца понятным, «высшим смыслам» и «предназначениям». «Предназначение» Родины может и, на наш взгляд, должно быть предметом рационального постижения. В этом состоит один из компонентов стратегического целеполагания. Осмысление должно исходить из осознания предназначения самого народа. Надо анализировать: в чем

может состоять дальнейшее развитие народа, к чему у него есть природное и историческое предрасположение, необходимые духовные и материальные ресурсы, каково его место в мире, что он может производить как в сфере промышленного, так и в сфере духовного производства? Обоснованные ответы на эти вопросы подскажут и даже определяют адекватную форму государственного устройства, а также направления и способы экономического и культурного развития.

Возвращаясь к введенному нами понятию «ценностного ядра», отметим, что для тех граждан, кому присуще «чувство Родины», оно входит в это ядро наряду с ощущением «предназначения». Для граждан, лишенных этого чувства, ценностное ядро иное. Поэтому и процессы, происходящие в ходе глобализации и реформ, по-разному отражаются на ценностных ядрах разных слоев населения. И не следует ожидать, как думают многие политики, что угроза быть, например, поглощенными Америкой в качестве ее сырьевого придатка вызовет взволнованный протест у всего населения. Господа «Корзухин» и «Тихий» поймут, что надо просто вовремя подсуетиться, как это уже сделали господа Чубайс, Фридман, Абрамович... Не столь незыблемым и величественным, как прежде, выглядит и бастион русской культуры. Для многих, трагически многих, не покажется таким уж несчастьем утрата Достоевского с Толстым с заменой их на англоязычных авторов любого уровня литературной беспомощности – если, конечно, при этом останутся доступными чипсы, пиво и «ай-пэд».

Надо ясно понимать, что у реформ и трансформаций, ведущих сегодня к распаду России, остановке ее развития, превращению русского народа в иной народ с иными ценностями – имеется достаточно широкая база в современном обществе. Как имела весьма широкую базу горбачевская перестройка и ельцинская катастрофа: желудок дважды победил дух народа! Что помешает сделать это третий раз?! Руки тянулись к обертке с надписями «гласность» и «демократия», потому что в нее завернуто пиво, чипсы, жвачка и джинсы! И теперь есть свои обертки со своими надписями и осовремененным содержанием, есть и новые поклонники.

Очевидное и постоянно исследуемое социологами «расслоение общества», или же деление его на социальные страты по всевозможным признакам: этническим, религиозным, политическим, гендерным, возрастным, имущественным и т.д., позволяет, взглянув на эту картину с точки зрения «ценностного ядра» заявить, что наше общество «многоядерное». Исследовательским идеалом было бы получение статистически максимально точной картины этих «ядер» с указанием перечня и иерархии ценностей в каждом из них и данных по количеству и качеству приверженцев. Такая картина позволила бы с гораздо большей точностью и глубиной прогнозировать общественные идеалы и устремления, реакции на преобразования, утраты и обретения. Только имея ценностный спектр общества, мы наконец узнали бы его.

Фрэнсис Фукуяма

Имеющиеся данные об обществе, на которые опираются политики, весьма недоброкачественны. Результаты выборов в Думу не отражают глубинных ценностных предпочтений населения и не позволяют судить о том, в каких обществах населению хочется жить и каково соотношение этих предпочтений. Самое тревожное, однако, не в этом, а в том, что предлагаемые обществу «программы партий» и даже «стратегии развития» не могут быть обществом адекватно оценены именно на предмет развития...

Нынешний путь не ведет к развитию, то есть к продолжению формирования все новых и новых структурных форм своего бытия, которые непрерывно осуществлял русский народ на протяжении нескольких столетий. Остановка развития и начало регресса, распада и вырождения вполне может произойти и уже происходит. Именно в этом смысле для русского народа происходит «конец истории», а вовсе не в том, какой вкладывал Фукуяма, характеризуя достижение англо-саксонской цивилизацией высшей и стабильной формы существования²⁸. Возможно реальное исчезновение русских как народа и переход их в форму виртуального существования, подобно античным грекам, а русской культуры в форму, подобную культуре эллинизма, то есть в доступный, но не развивающийся артефакт. Процессы, ведущие к такому исходу, идут, а силы, ими управляющие, мощны. В то время как сил и процессов противодействия недостаточно. Они носят бессистемный,

эмоционально-ситуативный характер. Нет ни понимания происходящего, ни организованного сопротивления, ни тактики, ни стратегии.

Можно ли остановить развитие?

Если говорить о развитии человека как биологического и социального существа вообще, то угроза остановки развития существует как следствие массовой гибели в тотальной войне, или в природных катаклизмах, эпидемиях, или вследствие несовместимого с жизнью загрязнения природы и т.д. Если говорить о развитии конкретного сообщества, России, например, то здесь тоже есть как минимум две возможности. При гибели России как государства и при утрате ее ценностного ядра часть населения погибнет или одичает, но отдельные индивидуумы и их потомки смогут продолжить и жизнь, и развитие, присоединившись к ценностному ядру «народа-победителя». Этот процесс происходит на наших глазах в форме эмиграции (или подготовки к ней) российских граждан в другие страны с последующим укоренением в них. В этой связи возникает как минимум тревога: какому количеству «индивидуумов» будет уготована участь или дарована возможность жить в случае разрушения государства, его поглощения другими и необходимостью «подключаться» к другим ценностным ядрам? И второй вопрос. Что делать: стремиться к тому, чтобы попасть в «выживающую часть», готовиться к жизни «в одичании» или попытаться не допустить гибели и разрушения своей страны, ее ценностного ядра?

Сергей Кургинян

Теме «развития» в философско-политическом аспекте посвятил ряд своих исследований С.Е. Кургинян²⁹. Результаты его анализа заслуживают внимательного и вдумчивого осмысления. В самом кратком и, естественно, неполном изложении происходящее и его причинно-следственные факторы, на которые указывает С.Е. Кургинян, видятся в следующем.

Процесс развития, наблюдаемый в мире в последние пять столетий, охватывающий европейскую цивилизацию вместе с Россией, страны Северной Америки, ряд других развивающихся стран, отнесен к понятию «модерн» или «модернити», называемом – на наш взгляд, не очень верно, – «проект Модерн»³⁰. Он вызван к жизни всей общеизвестной суммой факторов, рассматриваемой различными социально-политическими и философскими теориями. Процесс трансформации системы мира, наблюдаемый в последние десятилетия, состоит, по (аргументированному) мнению автора, в угасании «проекта Модерн», утрачивающего свои естественные источники «движущей силы». Существуют влиятельные политические элиты, которых такого рода «остановка развития» вполне устраивает и даже желательна, поскольку она может зафиксировать для них определенный уровень материального благополучия, сохранить управляемость остальным миром и собственную безопасность. Достижение такого стабильного состояния рассматривается как «конец истории» или «отмена истории». Чтобы этому никто и ничто не могли помешать, следует заранее нейтрализовать возможные угрозы, состоящие в предполагаемом или ожидаемом стремлении каких-то стран и народов к продолжению собственного развития и/или разрушению достигнутого стабильного состояния. Устремления такого рода нейтрализуются инициацией процессов «контрмодерна» и «постмодерна», запускаемых в странах, от которых исходит или может исходить угроза. В перечень стран, развитие которых следует остановить, входил СССР, чье не только развитие, но само существование прекращено, а теперь, по мнению автора, входит Россия, по отношению к которой применяются технологии «остановки развития». Под «влиятельными политическими элитами» автор понимает не мифическое «мировое правительство», а реальные группы людей из разных стран, в том числе и советские и российские группы. В своем исследовании автор шаг за шагом анализирует политическую практику последних десятилетий, показывая, как «срабатывают на остановку развития» те или иные решения. Показывает, как подрывается, трансформируется общественное сознание, воспринимающее те ценности, которые убивают в нем стремление к развитию, какие социогуманитарные технологии применялись в истории России, СССР и других стран, как они применяются сегодня: «Гуманитарные технологии – не мелочь. Это оружие страшнее ядерного или химического. Если человека можно, как Буратино, обстругать под некоторый (в принципе неважно даже, какой) ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ, то этот ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ будет поддержан всем сообществом обструганных Буратино»³¹. Выводы, которые делает автор, в следующем: развитие (России) возможно только в русле Модерна или его возможной современной «модификации» – «Сверхмодерна». Развитие в рамках «постмодерна» и тем более «контрмодерна» – невозможно. Автор анализирует политические реалии современной России, указывает расстановку сил в политических элитах. Особое внимание уделено глубокому философскому анализу метафизики происходящего, уходящей своими

корнями в глубокую древность. События 1917, 1991, и 1993 годов в России автор рассматривает как метафизические катастрофы, показывая, сколь глубинными и длительными являются их последствия.

Завершая весьма краткое (исходный текст автора занимает более тысячи страниц) изложение исследования, приведем цитату, имеющую непосредственное отношение к проблеме ценностей. Кургинян пишет: «Есть ценности, несовместимые с потерей суверенитета (в первом приближении – ценности гражданина). И есть ценности, совместимые с потерей суверенитета (в первом приближении – ценности обывателя). Защищать суверенитет, опираясь на ценности, совместимые с потерей суверенитета, нельзя»³².

Переживаемый сейчас период дает основания для опасений за дальнейшее развитие страны и народа, несмотря на то, что в программных заявлениях Президента и Премьер-министра страны тема социально-экономического развития звучит постоянно. Более того, проблема развития страны не остается только призывом, она воплощена в конкретные разработки и сформулированные задачи, в поставленные цели и проекты³³. Эти разработки являются предметом всестороннего анализа и глубокой критики со стороны экспертного сообщества.

Не вступая в этой статье в полемику ни с авторами разработок, ни с их оппонентами, отметим, что развитие страны является несомненным приоритетом и предметом озабоченности всех участников дискуссии. Расхождение во взглядах наблюдается в предпочтениях в выборе оснований, способов и целей развития. Это означает, что проблема развития России не решена в самом глубоком, фундаментальном, мировоззренческом, философском смысле. Нет общественного консенсуса по «образу желаемого завтра». Разногласия в определении стратегии развития, слышимая на уровне высших слоев политической элиты страны, свидетельствует об отсутствии политического, стратегического целеполагания.

Общество утратило прежние смыслы собственного существования и не может обрести новые. Народ в массе своей перестал ощущать собственное «предназначение» как некой целостности и «предназначение страны, государства», как формы и инструмента, посредством которых он это предназначение реализует. Одновременно с этим происходит снижение ценности государства как такового. Низведение всей полноты потребностей до материальных, низведение любого профессионального роста только лишь к инструменту улучшения достатка чревато необратимой трансформацией государства, его функций и его формы. Нарастает конфликт между содержанием государства – а оно воплощено в стремлениях народа – и его формой. На определенном этапе развития этот конфликт либо приводит к распаду формы, то есть распаду государства на более мелкие образования, либо форма начинает себя сохранять любой ценой, наращивая всеми средствами принуждение народа к продолжению существования в условиях остановки его развития и последующего вырождения.

Названная угроза – основная. Остальные являются следствием. Так, например, продолжающаяся тенденция падения уровня образованности, культуры (по данным ВЦИОМ, в 2009 году более трети граждан страны вообще никогда не читают никаких книг, в 1996 году таковых была одна пятая) – не только одно из свидетельств остановки развития, но и одна из причин дальнейшей деградации. Среди других угроз – снижение качества образования и медицинского обслуживания, утрата целых отраслей промышленного развития, обеднение спектра возможностей профессионального роста, в том числе и в сфере государственного управления, и др.

Управление развитием – это управление ценностями и идеалами

Чтобы управлять развитием, надо понимать природу его движущих сил. Выяснению этого посвящены великие теории прошлого, продолжают поиски и в настоящем.

Формационный подход в свое время дал ясную картину развития и указал как на движущие силы, так и на цели. Не повторяя общеизвестное, напомним лишь классическую цепочку смены общественно-экономических формаций: первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический и – венец развития – коммунистический. Этот взгляд и метод анализа не утратил ни своей актуальности, ни привлекательности и сегодня, хотя стало ясно, что он не описывает всей полноты и сложности трансформаций и взаимовлияний различных факторов общественного развития и вряд ли может служить единственным основанием для выработки стратегии развития.

Со второй половины XX в. стало популярна теория «стадий роста», выдвинутая в противовес марксистскому учению об общественно-экономических формациях. Согласно этой теории, основными являются два типа общества — «традиционное» (докапиталистическое) и «индустриальное» (капиталистическое), а историческое развитие характеризуется пятью стадиями экономического роста:

- 1) «традиционное общество»;
- 2) стадия подготовки условий для «сдвига»;
- 3) стадия «сдвига» и перехода к индустриальному развитию;
- 4) «индустриальное общество»;
- 5) стадия «массового потребления».

В связи с многообразием концепций и типологий исторического развития, мы ограничимся упомянутыми и укажем на необходимость выявить признаки подлинного развития в сложной картине трансформаций стран и народов, каковую часто называют «развитием» без должных оснований. Отметим также, что подавляющее большинство подходов и концепций в качестве основного мерила и критерия развития рассматривает материальное производство и потребление, отличаясь лишь в способах его измерения и оценки.

Не отрицая выявленные факторы общественного развития, отметим, что о духовных трансформациях обществ, о том, чем пришлось заплатить за те или иные достижения в области экономического развития, говорится мало и вскользь. В то время, как точно так же, как потребности управляют поведением человека, мир ценностей, система ценностей может управлять развитием. Сообщество рабов в Древнем Риме или Греции, ориентируясь на доступную им систему ценностей, состоящую в основном из физиологических потребностей, – не развивается. Появление индивидуумов с более высокими запросами и устремлениями (типа Спартака) – приводило к всплескам активности, борьбы, которая, однако, не приводила к развитию сообщества (или класса) рабов до тех пор, пока не изменились возможности по формированию иной (общественной, классовой, элитарной и пр.) системы ценностей.

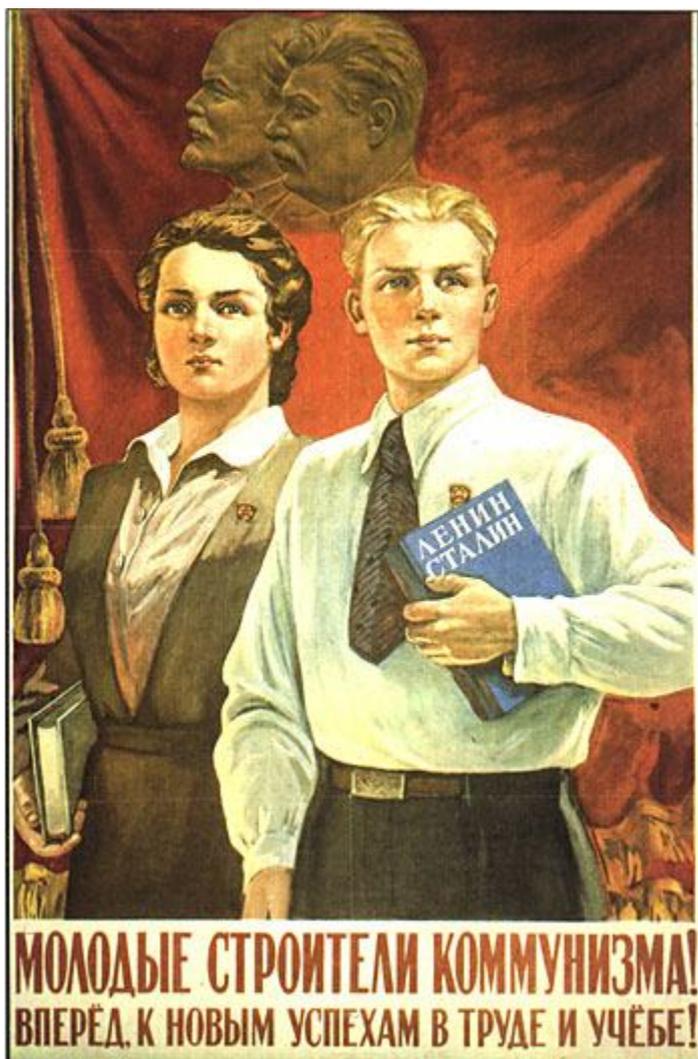
Гюстав Доре. «Моисей спускается с горы Синай»

Двигатель прогресса, развития – это идеалы и ценности. Моисей получил Скрижали Завета – это были ценности, идеалы, и это была новизна. Прошли века, и Заветы стали не так трактоваться и не так исполняться, в результате ветхозаветные ценности перестали быть двигателем развития. Но возникло христианство и Новый Завет: это были новые ценности и новые идеалы, снова наступило развитие, наступил прогресс. Новизна была не в новых технологиях производства или зарабатывания денег, новизна была в том, как жить, какие отношения между людьми устанавливать, каким ценностям поклоняться, каких норм придерживаться, а от каких отказываться...

Христианство раскрепостило свободу воли, и человечество смогло без «прямого вмешательства Господа Бога», само вырабатывать новые правила и ценности – в том числе и через революции: социальные, научно-технические, промышленные, религиозное и светское реформаторство и т.д.

Изменение возможностей привело к формированию новых потребностей и новой системы социальных ценностей в русском обществе после и в результате отмены крепостного права. Это дало толчок развитию капитализма и вообще развитию. Аналогичные процессы (изменение системы ценностей и идущее вслед изменение развития – его направления, скорости, содержания и т.п.) наблюдались в ходе и после революций 1917 года, а также на различных этапах строительства социализма в СССР. Когда советский проект начал выдыхаться, угасать, народ стал искать и жаждать новизны, за которую легко принял лозунги «перестройки» – и потому откликнулся энтузиазмом. Однако в ходе и в результате перестройки произошла подмена: место целей и ценностей, лежащих в сфере идеального («ускорение», «гласность» и т.п.), заняли ценности материальные. И это еще могло бы не обернуться катастрофой, если бы при этом не требовалось разрушить «идеальное» как таковое – под лозунгами борьбы с «засильем партократов» и ему подобными. Если бы общество,

отказываясь от одних идеалов, сформулировало новые идеалы, столь беспощадной и тотальной гибели страны не произошло бы.

Анализируя эту проблему, С.Е. Кургинян отмечает следующее. «В 1917 году одна Историческая Личность (Российская империя) сменила один Идеал (универсальная православная монархия) на другой Идеал (универсальный Красный проект). Возникла новая Личность (СССР). Можно обсуждать степень связи одной Личности с другой. Но процедура обмена с сохранением качества (смена Идеала на Идеал) предполагала возможность возникновения новой Личности, а также преемственность между прежней и новой Личностями (тут все зависит от анализа Идеалов)». И далее: «обмен, свершенный Личностью (СССР) в 1991 году, был обменом с очевидной потерей качества. Ведь красная Идеальность (хороша она или нет) – это все-таки Идеальность, и она в обмене участвовала. Коллизия в том, что Идеальность обменяли на Материальность. А у этого есть название. Это называется «отдать первородство за чечевичную похлебку»³⁴.

«Отдать первородство за чечевичную похлебку» – известный библейский образ и символ непоправимого, смертельного обмена с потерей качества, обмена Идеального на Материальное. Красной нитью через весь труд С.Е.Кургиняна проходит метафора притчи об Исаве и Иакове, чьи образы вынесены в заглавие работы³⁵. Смысл притчи автор проецирует на процессы, происходившие в СССР и происходящие в современной России, когда не только отдельные личности, но большинство населения, устремившись к посулам и мечтам о материальном благополучии, легко расстается со своими идеалами. Автор показывает, как стремление к «сытости», к «нормальной жизни» приводит к торможению, остановке и, наконец, к отказу от развития. Та проблема, о которой мы говорим и которую предлагаем обсуждать в нашем альманахе – развитие и экономика, – и есть проявление коллизии между идеальным и материальным.

Состояние дискуссии

Проблема, обозначенная в статье, и ряд смежных вопросов, которые, по мысли авторов, должны стать предметом научного и общественно-политического дискурса на страницах альманаха, обсуждается давно.

Дискуссии о развитии, имеющие место в рамках экономической науки и апеллирующих к ней политиков, весьма остры и глубоки³⁶. Причем зачастую подмена дискуссии о развитии дискуссией об экономике является преднамеренной. Экономическое знание и методы управления экономическими процессами прошли огромный путь развития, на котором немало блистательных побед, достижений, равно как и обескураживающих провалов. Экономический дискурс «о развитии» является ареной бескомпромиссной борьбы т.н. «экономистов-технологов», владеющих инструментарием управления финансово-экономическими процессами, и экономистов, тяготеющих к классической роли социальных философов.

Большинство «экономистов-технологов», касаясь проблемы развития, в качестве целевых показателей ориентируются на финансово-экономические характеристики. Сфера духовной жизни остается, как правило, за рамками анализа или же косвенно и вскользь упоминается в качестве неких неопределенных указаний на «социальную ответственность». Направленность альманаха окажется ближе тем экономистам, которые склонны к оценке экономики как одной из основных наук о жизнеустройстве, но которые не отделяют непроницаемой преградой социальную философию, социологию и другие науки об обществе и человеке от экономики. В этой связи за пределами нашего краткого обзора останутся «чисто финансово-экономические» дискуссии, касающиеся, например, способов повышения экономической эффективности или управления рынком ценных бумаг.

В этом разделе статьи приведен не полноценный обзор литературы, в котором излагается состояние исследований избранного предмета, а, скорее, диспозиция основных действующих лиц. Мы лишь укажем на сложившиеся исследовательские группы и направления, некоторые обобщающие труды, замеченные нами статьи, ограничиваясь в основном современными отечественными авторами. Нашей целью было показать, кто сегодня в России размышляет об интересующем нас предмете, и дать ссылки на их основные работы. Претендовать на полноту и тщательность осмотра «пространства дискуссий» мы не можем и надеемся, что все пробелы окажутся замечены профессиональным научным и экспертным сообществом и, соответственно, будут устранены в дальнейших публикациях.

Политическая составляющая дискурса о развитии России определяется, естественно, программными выступлениями Президентов страны последнего десятилетия – В.В. Путиным³⁷ и Д.А. Медведевым³⁸. Всесторонний анализ политической стратегии, заявленной в выступлениях, сравнение сути высказываний с реальной практикой управления страной, критика и рекомендации лидерам государства составляют основной контекст многочисленных аналитических исследований и экспертных оценок всего научного и политического сообщества. Альманах намерен предоставлять свои возможности для таких публикаций, не ограничивая ни себя, ни авторов определенной политической заданностью.

Практическая составляющая дискурса определяется существующими «проектами развития». Часть проектов носит инициативный характер, в то время как некоторые обладают статусом реализуемых на практике. И те и другие проекты представляют интерес для анализа и обсуждения, однако последние требуют к себе наиболее пристального внимания. В частности, профессионального анализа заслуживают предложенные различными группами и поддержанные на самом высоком уровне проекты «Россия XXI века: образ желаемого завтра» (ИНСОП) и «Стратегия-2020» (МЭРТ). Альманах намерен уделить внимание этим проектам, их концептуальным основам и сравнительному анализу.

В программах всех политических партий содержатся лозунги о развитии страны, предложены свои пути, принципы и цели развития. Альманах готов предоставить политикам и политологам возможность изложения собственных взглядов и критики взглядов своих оппонентов и политических соперников. Помимо крупнейших парламентских партий следует отметить энергичные попытки соединения практической работы по консолидации сил, способных к проектированию и теоретическому обоснованию развития страны, предпринимаемые Ю.В. Крупновым, создавшим «Движение развития». В рамках «Движения» создана группа, «программирующая развитие», размышления которой о природе развития и возможности его планирования отражены в ряде статей³⁹.

Основные исследования проблемы развития сосредоточены в институтах РАН и крупнейших университетах страны. Не ставя перед собой столь значительную задачу, как сделать обзор исследований, проводимых во всех научных и учебных заведениях страны, соглашаясь с высокой степенью неполноты нашего «обзора», укажем лишь на некоторые коллективы, чья деятельность нам знакома сегодня. При этом выразим надежду и стремление расширить круг наших знаний в этом направлении и развить наше сотрудничество.

Взаимосвязь экономики и общественного развития изучается в Институте экономики РАН (директор – член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг). Разработке методологических вопросов применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях посвящены работы зав. сектором философии и методологии экономической науки ИЭ РАН О.И. Ананина⁴⁰. Следует также отметить плодотворную деятельность Центра институтов гражданского общества ИЭ РАН под руководством Ю.Г. Павленко⁴¹.

Нельзя обойти вниманием исключительные организационные усилия, осуществленные руководством Высшей школы экономики. В структуре ГУ-ВШЭ действуют факультет философии с отделением культурологии, факультеты социологии и психологии. Кроме того, создан ряд институтов и центров, тематика которых близка направленности альманаха. Среди них: Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева (рук. И.М. Савельева); Институт демографии (рук. А. Вишневецкий); Институт социальной политики и социально-экономических программ (рук. С.Н. Смирнов); Институт управления социальными процессами (рук. Т.Я. Четвернина); Институт «Центр развития» (рук. Н.В. Акиндинова); Центр исследований гражданского общества (рук. Л.И. Якобсон); Центр синергичной антропологии (рук. О.И.

Генисаретский); Центр фундаментальной социологии (рук. А.Ф. Филиппов). Каждое из указанных подразделений в той или иной мере имеет отношение к интересующей нас проблеме развития и исследует ее со своих позиций, своими методами и со своими целями. Нет сомнений в том, что исследователи, связанные с этими институтами и центрами, могут стать активными участниками нашего дискурса и использовать создаваемый альманах как эффективную площадку для дискуссий и опубликования собственных результатов.

Масштабные и многолетние исследования проблемы развития проводятся на философском и экономическом факультетах МГУ им. М.В. Ломоносова. Историческую преемственность с «Философией хозяйства» С.Н. Булгакова подчеркивает группа, объединенная ныне в «Академию философии хозяйства». Этому предшествовали годы становления и развития нового научного направления, возникшего на базе созданной в 1988 году Лаборатории сравнительного анализа хозяйственных механизмов (ЛСАХМ) экономического факультета МГУ под руководством проф. Ю.М. Осипова. Сегодня это признанная и авторитетная научная школа, издается журнал-альманах «Философия хозяйства», организуются научные конференции и форумы, публикуются статьи и монографии. Современные последователи «философии хозяйства», развившие благодаря усилиям Ю.М. Осипова целое направление⁴², продолжают исследовать проблему в наиболее целостной системе взглядов, претендующих на мировоззренческий уровень. В работе Ю.М. Осипова «Эпоха Постмодерна» (М.: ТЕИС, 2004) предложен особый взгляд на современность и историческое движение к ней через три эпохи – Премодерна, Модерна и Постмодерна, которым соответствуют и разные типы хозяйства. В фундаментальной работе Ю.М. Осипова «Постижение России» (М.: Экономистъ, 2005) рассмотрены вопросы современного бытия России (с конца 1980-х гг. по 2005 г.), переживаемых ею перемен, долговременного социо-хозяйственного кризиса. Осмыслению различных сторон хозяйственной деятельности с позиции «философии хозяйства» посвящены работы многих современных исследователей. Обзор этих работ проведен в диссертационном исследовании Л.А. Тугова⁴³. Отмечая достижения в области философии хозяйства, Л. Тугов подчеркивает, что «пока нет целостного представления о философии хозяйства как исследовательском направлении в рамках философии. Философия хозяйства проходит первые этапы своего развития, когда разрабатывается понятийный аппарат, формулируются предпосылки, складывающиеся «методологическое ядро», происходит обособление от других областей знания».

В статье нами упоминались и цитировались работы С.Е. Кургиняна, посвященные проблеме развития. Кроме указанных выше фундаментальных исследований отметим цикл из нескольких десятков публикаций под общим названием «Медведев и развитие»⁴⁴, в которых базовые положения взглядов автора увязаны с проблемами актуальной политики. Проблема развития в той или иной степени является предметом анализа С.Е. Кургиняна во многих его работах, посвященных, казалось бы, иной теме – борьбе элит или теории и практике политических игр. Факторы, влияющие на развитие страны, общества, являются предметом пристального исследования во всех монографиях последнего времени⁴⁵.

Сергей Кара-Мурза

Исключительные по своей глубине и мировоззренческой роли исследования проф. С.Г. Кара-Мурзы, опубликованные в десятках книг, вышедших за последнее двадцатилетие, продолжают оставаться актуальным базисом для их продолжения. Достаточно упомянуть лишь некоторые из наиболее известных книг, например, таких как «Интеллигенция на пепелище родной страны» (1995), «Манипуляция сознанием» (2000), «Советская цивилизация» (2001), сыгравших принципиальную роль в становлении целого ряда направлений, чтобы отметить масштаб и значимость сделанного автором.

Продолжающиеся исследования С.Г. Кара-Мурзы с соавторами остаются весьма актуальными для тематики нашего альманаха⁴⁶.

Философский аспект тематики, ставшей предметом настоящей статьи, является постоянным направлением исследований сектора социальной философии Института философии РАН. Отметим здесь две коллективные монографии⁴⁷, а также работы заведующей сектором проф. В.Г. Федотовой, в которых предложена методология компаративистского анализа модернизационных стратегий и типология развития, подтверждающая возможность выбора Россией различных путей развития⁴⁸. Особое место в панораме исследований взаимоотношений экономики и общества занимает разработка теории неокapитализма. Предложена концепция «трех великих трансформаций и трех типов современности», позволившая показать незавершенность «проекта Модерн», показать принципиальную вариативность будущего и возможных сценариев развития⁴⁹.

Самостоятельным направлением научных исследований и оригинальной эффективной организационной работой является деятельность гл.н. сотр. Института философии РАН проф. В.Е. Лепского. Особую значимость для тематики нашего альманаха имеют исследования проблемы субъектности и ее роли в общественном развитии, а также усилия В.Е. Лепского по изданию журнала «Рефлексивные процессы и управление» и его вдохновляющая работа по организации «Клуба инновационного развития»⁵⁰.

Сергей Глазьев

Хочется отметить последовательное углубление и отстаивание собственной позиции как внутри академической среды, так и в органах государственной власти академиком РАН С.Ю. Глазьевым. Его аргументация необходимости согласования мер по преодолению кризиса со стратегическими задачами социально-экономического развития весьма убедительна, как и настойчивые призывы проводить активную политику опережающего развития, не дожидаясь завершения экономической депрессии⁵¹.

Многолетнее и многогранное научное творчество проф. В.М. Симчеры, интересы которого отданы в основном проблемам экономической статистики, закономерным образом воплотились в значительный по своему объему и выдающийся по своей глубине и научному качеству результат, выходящий далеко за рамки статистических исследований. В сущности, труды В.М. Симчеры последних лет являются основным, если не единственным аргументом и основанием для доказательного рассмотрения проблемы развития России, включающего в себя как собственно экономико-статистический корпус аналитических данных, так и социально-философский их анализ⁵². Важно отметить статьи известного эксперта и исследователя М.Л. Хазина, посвященные проблеме развития, отличающиеся нехарактерной для публичного экспертного сообщества философской глубиной и фундаментальностью анализа⁵³.

Среди экономистов, отличающихся не только профессиональной глубиной, но и высокой степенью социального сострадания, а также заметной публичной активностью, следует отметить труды и деятельность М.Г. Делягина. Не стремясь к обзору сказанного и написанного проф. М.Г. Делягиным в связи с оценками актуальных проблем экономической политики России, отметим, что в ряде своих работ он акцентирует внимание на близких нашему альманаху аспектах взаимосвязи фундаментальных ценностей и экономики. М.Г. Делягин обращает внимание на проблему влияния современных технологий на развитие обществ и формирование коллективного, надличностного сознания⁵⁴. Анализируя рычаги экономического развития, М.Г. Делягин не упускает из виду и ряд неэкономических факторов, таких как дезинтеграция общества, его мультикультурный характер, разрушение человеческого потенциала и др.⁵⁵. М.Г. Делягин указывает на важные факторы развития и возможность «роста без развития»⁵⁶.

Оригинальные исследования проводятся Институтом ноосферных исследований, действующим в составе Академии тринитаризма⁵⁷. В частности, следует указать на работы проф. А.И. Субетто, такие как «Россия и системный кризис

мировой экономики», «О глобализации, ноосферизме, социализме и судьбе России в XXI веке», цикл работ «Критика «экономического разума» и многие другие, доступные на указанном сайте Академии.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

Исключительно важным направлением нам представляется исследование и обсуждение проблем взаимосвязи и взаимообусловленности общественно-экономического развития и религии. В этой связи надо отметить прежде всего позицию и деятельность Русской православной церкви, созданного ею Экспертного совета «Экономика и этика» при святейшем Патриархе Московском и всея Руси. Ведущаяся Советом разработка основанных на православной традиции теоретических основ нравственного хозяйствования и выработка церковно-общественной позиции по актуальным событиям в экономической жизни страны и мира представляется нам исключительно важной. «Заявления» Совета по актуальным проблемам социально-экономической жизни являются не только самоценным аналитическим материалом, но и нравственным ориентиром для общества⁵⁸. Хотелось отметить также плодотворный цикл исследовательских статей преподавателя Свято-Тихоновского гуманитарного университета Н.В. Сомина и его организационно-просветительскую деятельность как создателя интернет-портала «Христианский социализм как русская идея»⁵⁹.

Следует отметить широкий спектр исследований проблем развития, проводимый Институтом экономических стратегий Отделения общественных наук Российской академии наук (ИНЭС) под руководством проф. А.И. Агеева⁶⁰, и издание журнала «Экономические стратегии» – единственного среди экономических изданий страны, для которого проблема развития является одной из главных тем.

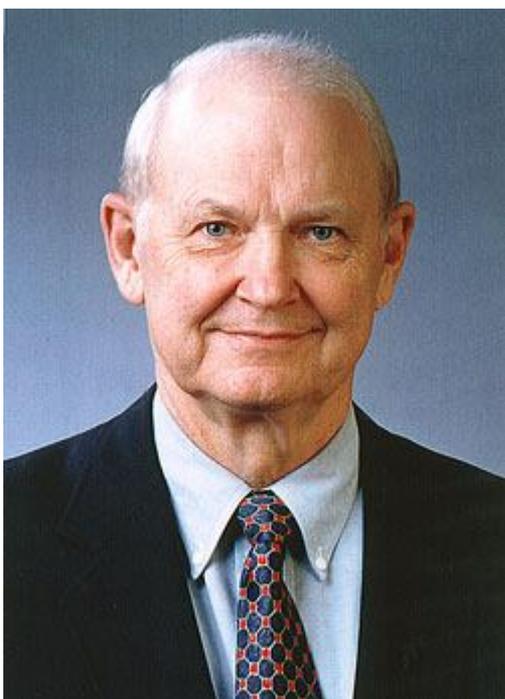

Александр Агеев

Фундаментальный подход к исследованию, сложившийся в свое время в известном «Московском методологическом кружке» (Г.П. Щедровицкий, А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили, Б.А. Грушин и др.) стремятся сохранить в «Московской

методологической корпорации», организовавшей свою деятельность в форме проекта «Миссия России»⁶¹. Своей важнейшей задачей участники проекта видят необходимость «практически наметить и определить пути возрождения и развития Российской Государственности». Формулируя «основную проблему жизнестратегии», Ю.В. Громыко говорит о задаче «преодоления культурного пессимизма и представление идей мощи и посюсторонности человеческого разума, если он опирается на нравственные ценности, традицию и веру». Участники проекта пытаются выявить направления и формы технологического прорыва, формирования новых укладов, обозначая эти действия как «Стратегическую цивилизационную инициативу» России⁶².

Необходимо указать на существование огромного интеллектуального наследия, связанного с именем П.Г. Кузнецова, его коллег и последователей⁶³. Вопрос «о развитии» не может анализироваться ни на теоретическом, ни на технологическом уровне без учета результатов, достигнутых школой П.Г. Кузнецова – столь они фундаментальны⁶⁴. К сожалению, востребованность этих результатов современной практикой обратно пропорциональна их выдающейся значимости.

Линдон Ларуш

Альманах будет стремиться к актуализации этого научного направления и предоставит возможность излагать и обсуждать взгляды П.Г. Кузнецова и его последователей. Прежде всего следует указать на работы С.П. Никанорова – как те, в которых рассматриваются взгляды П.Г. Кузнецова⁶⁵, так и самостоятельные исследования, в частности, разработку «аппарата ступеней» – математического метода, предоставляющего, по гипотезе автора, новые возможности для теоретического исследования развития форм жизни, социогенеза и других⁶⁶. Следует также указать на близость взглядам П.Г. Кузнецова самостоятельной концепции экономики и принципов ее развития Линдона Ларуша⁶⁷. Исследования проблемы «устойчивого развития», бывшей «мейнстримом» международного общественно-политического дискурса со времен «Докладов Римскому клубу»⁶⁸, продолжаются и сегодня. В этой связи следует указать на исследования Б.Е. Большакова⁶⁹.

Одним из редких примеров сочетания концептуальной глубины и разработки практических рекомендаций по организации управления развитием в различных отраслях является деятельность «Аналитического центра «Концепт» под руководством З.А. Кучкарова, являющегося базовой организацией руководимой им кафедры концептуального анализа и проектирования Московского физико-технического института (МФТИ)⁷⁰.

Проблема развития и ее связь с экономикой в той или иной степени, под теми или иными углами зрения становится предметом анализа многих исследователей. Невозможно в кратком обзоре отразить все содеянное, тем более, что авторы не претендуют на полноту знаний в этой сфере. Упомянем, однако, еще несколько работ, обративших на себя наше внимание. Анализ концепции прогресса и выяснению движущих сил истории посвятил свои статьи А.А. Алферов⁷¹. Вопрос о методологии смены моделей жизнеустройства в социально-философском смысле был поставлен О.С. Соиной. Отмечая необъятную сложность вопроса, автор предлагает начать с попытки выявить типологию российских реформ как таковых «во всем их непосредственном предметно-эмпирическом своеобразии», выявляя «духовно-национальную направленность» русских реформ за последние триста лет⁷². Проблемы русского этнонационального самосознания, выявление его социокультурного содержания, необходимого для обоснования национальной политики России, стало предметом исследования В.П. Санатина⁷³. Исследованию проблемы ценностей в экономике и культуре посвящены работы Г.П. Выжлецова⁷⁴. Продолжению и углублению марксистского метода исследований, теории социализма, проблемам современной глобализации, развития постиндустриальных тенденций, изучению хода и последствий капиталистических

реформ в России посвящены теоретические работы А.В. Бузгалина и его активная общественно-политическая и организационная деятельность⁷⁵.

Олег Богомолов

Значительным событием стал выход двух сборников статей под редакцией акад. О.Т. Богомолова: «Экономика и общественная среда: неосознанное взаимодействие» (2008) и «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимодействие» (2010). Объединив в рамках междисциплинарного исследовательского проекта РАН «Взаимодействие экономики и общественной среды» около трех десятков ведущих ученых – экономистов, философов, социологов, культурологов, политологов и др., академик О.Т. Богомолов смог создать коллектив, наиболее полно и глубоко рассмотревший указанную проблему. Этими книгами фактически заложена основа для открытия нового направления научных исследований, дальнейшее развитие которого позволит выработать методы взаимообусловленного подъема науки, культуры, нравственности, социальной справедливости и экономического процветания.

* * *

Несмотря на продолжающийся плодотворный процесс исследования, проблема развития продолжает оставаться пасынком практической политики (политической практики), программы и проекты стратегического развития не основываются на комплексном понимании развития. По-прежнему под развитием страны как молчаливо, так и программно понимают экономическое развитие. За пределами понимания (осознанного учета) остается та плата, которую приходится платить обществу за достижение экономических показателей, за приверженность параметру экономической эффективности, за использование социально-экономических технологий, рожденных в иной общественной среде и для иной среды, за податливость в структурных преобразованиях национальных экономик, продиктованных процессами глобализации.

Мы видим свою задачу двуединой в том, чтобы стимулировать исследования и дискуссию по проблемам развития, и в том, чтобы эти результаты внедрялись в практику выработки стратегии развития страны.

30 марта – 26 июля 2011 г.

---

¹ Напомним отличие понятий «страна» и «государство». «Государство» это политико-правовое понятие, оно обозначает в первую очередь политическую систему власти, установленную на определённой территории, являющуюся институтом, инструментом общества, кроме того, государство – это некая территория, имеющая границы и являющаяся субъектом международного права. «Страна» относится к историко-культурным понятиям, описывающим общегеографические (общность территории) и

другие факторы – менталитет, обычаи, язык и т.д. Иногда говорят, что «страна – это единство народа, природы и культуры». Границы государства и страны могут совпадать, но могут и не совпадать. Одним из признаков государства является суверенитет, страна же может существовать и без суверенитета, и без государства.

² Субъектность – свойство индивида или социальной группы быть субъектом своей жизнедеятельности. «Быть субъектом» – значит мыслить, воспринимать и осуществлять себя в качестве причины себя самого, самосознавать и самовоспроизводить себя. Без субъектности невозможно целеполагание и развитие, в особенности – выработка стратегии. Индивид может быть субъектом самого себя, социальная группа должна выработать механизм своей субъектности в форме институтов, но может их так и не выработать. Об этом см., например: Лепский В.Е. Проблема субъектов в прогнозировании технологического развития // «Экономические стратегии», №7-2005, стр. 30-33.

³ Сказанное подчеркивает, что проблемы развития в биологии (в т.ч. проблема эволюции и т.п.), проблемы личностного роста и т.п. остаются за рамками настоящей статьи.

⁴ Краткая философская энциклопедия. – М., Издательская группа «Прогресс–Энциклопедия», 1994. – 576 с.

⁵ Разумеется, в русском языке сохраняется многозначность слова «развитие», допускающая и негативные последствия развития: например, развитие злокачественной опухоли, завершающееся летальным исходом.

⁶ Алферов А.А. Идея общественного прогресса: Содержание и становление. В сб. Философия в пространстве культуры. Серия «Восток – Запад – Россия». Ростов н /Д, 1999.

⁷ Например, стройная концепция П.Г. Кузнецова, согласно которой, критерий развития это «максимальные и не убывающие темпы роста полезной мощности». Подробнее о взглядах Побиска Кузнецова и его последователей, ссылки на их труды см. в заключительном разделе настоящей статьи.

⁸ Симчера В.М. Хронологическое измерение вековых трендов исторического прогресса. // «Экономические стратегии», №3-2009, стр. 88-94.

⁹ Симчера В.М. , *ibid*, с. 90.

¹⁰ Окончанием периода мира в Европе можно считать начало гражданской войны в Югославии (Хорватско-Сербский конфликт 1991 года), завершившейся бомбардировками Сербии силами НАТО в 1999 году.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.12, с.4

- ¹² Симчера В.М. , ibid, с. 88.
- ¹³ Симчера В.М. , ibid, с. 91.
- ¹⁴ Капра Ф. Паутина жизни. М.: ИД «София». 2003. – 336 с.
- ¹⁵ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.– 744с.
- ¹⁶ Капра Ф. Скрытые связи. М.: ИД «София», 2004. – 336 с. стр. 100-102.
- ¹⁷ Румянцев М.А. Выступление на теоретико-методологическом семинаре «К современной трактовке предмета и метода экономической науки». // «Проблемы современной экономики». №№1(9), 2004 г.
- ¹⁸ Остроменский М.П. Смыслы, язык и ценности народа. // Война и мир. Аналитика. 09.03.10.<http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/45057/>
- ¹⁹ Остроменский М.П., ibid., <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/45057/>
- ²⁰ Там же, <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/45057/>
- ²¹ Крысько В.Г. Этническая психология. 4-е изд. – М.: Академия, 2008. – 320 с.
- ²² Остроменский М.П., ibid., <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/45057/>
- ²³ Вопрос о первичности и вторичности «смыслов» и ценностей остается дискуссионным.
- ²⁴ Исследования ценностных предпочтений многочисленны. Приведем лишь некоторые ссылки: Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е. Ценностные ориентации и удовлетворенность жизнью некоторых этносов Саратовского Поволжья. // Сб. «Проблемы социальной психологии личности», [СГУ \(Саратов\) 2008 г.](http://www.sgu.ru/); Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. – М., 1997. – 257 с.; Ценностные ориентиры и приоритеты в трансформирующемся мире // Сб.статей под ред. А.С. Железнякова и З.П. Яхимович. – М.: Институт социологии РАН, 2010. – 215 с.; Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации// Социологические исследования. – 2002. – № 1; Титаренко Л.Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. Минск, 2004; Эрроу К.Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М. ГУ ВШЭ, 2004, – с.204. Важный аспект перехода от материальных к постматериальным ценностям исследуется Р.Инглхартом: Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // Международный журнал социальных наук. 1996. № 12. С. 21. Он же. Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу // Под ред. Д. Харрисона и С. Хантингтона; Пер. с англ. М., 2002. С. 113.
- ²⁵ Конференция «Национальная система ценностей как залог процветания России», прошла 21-25 января 2011 г. в рамках XIX Международных Рождественских образовательных чтений на базе РГСУ. Программа конференции доступна здесь: <http://www.ipras.ru> , а текст «Концепции» здесь: <http://www.pravmir.ru/sistema-cennostej-infografika/>

²⁶ Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008, – 608 с. Иноземцев В.Л. Две концепции исторического развития: марксизм и постиндустриализм. // Философские исследования, 1997, № 3, сс. 30 – 73.

²⁷ Отдельного анализа заслуживают проблемы этнически смешанных индивидуумов и семей, оказавшихся в состоянии раскола между одной этнокультурной средой и страной и другой.

²⁸ Впрочем, больше Ф.Фукуяма так не считает, видимо полагая, что, «вместо ранее объявленного» конца истории в Америке наступила эпоха плутократии. См. Francis Fukuyama. Left Out. // The American Interest Online, January – February 2011. <http://www.the-american-interest.com/article-bd.cfm?piece=906>

²⁹ Кургинян С.Е. Исав и Иаков: Судьба развития в России и мире. В 2 томах. М.: ЭТЦ, 2009, – с. 1168. См. также цикл лекций «Суть времени», доступный на сайте www.kurginyan.ru.

³⁰ Не очень верным нам это кажется в силу смысла понятия «проект», предполагающего наличие авторства, заранее разработанного плана работ, ясного видения итогов и измеряемых результатов. Ввиду очевидного отсутствия «проекта модерн» в общепринятом смысле, мы бы предпочли называть происходящее «процессом»: «процесс Модерн».

³¹ Кургинян С.Е., *ibid*, т.2, 54с.

³² Кургинян С.Е., *ibid*, т.2, стр. 50.

³³ Укажем, например, на такие разработки как «Стратегия-2020» МЭРТа, а также концепции ИНСОРа «Россия XXI века: образ желаемого завтра» и «Обретение будущего. Стратегия 2012», проект «Сколково».

³⁴ Кургинян С.Е., *ibid*, т. 1, стр.157.

³⁵ У Исаака было два сына: Исав и Иаков. Исав – старший сын Иосифа, обладал правом «первородства», то есть преимуществом над Иаковом в благословении от отца. Но однажды, будучи голодным, он согласился продать свое право первородства Иакову за чечевичную похлебку. Эта притча стала нарицательным примером недопустимости продажи, или иной мены духовного на материальное.

³⁶ Напомним важное и глубокое замечание О.И.Ананьина о том, что «в академической науке и в политическом процессе экономические модели выполняют совершенно разные функции». См.: Ананьин О.И. Теория и политика в прикладных экономических исследованиях: некоторые уроки зарубежного опыта. // Мировая экономика и международные отношения, 2008. № 1. С. 15—23.

³⁷ В.В. Путин. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 26 апреля 2007 года.

³⁸ Д.А.Медведев. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 года.

³⁹ Дадим ссылку на два информационно-аналитических портала: персональный сайт Ю.В.Крупнова, на котором представлены его актуальные комментарии и основные работы (<http://www.kroupnov.ru/>), и сайт «Движения развития», на котором имеются публикации участников (<http://www.partrazvi.ru>)

40 Ананьин О.И. Теория и политика в прикладных экономических исследованиях: некоторые уроки зарубежного опыта. // *Мировая экономика и международные отношения*, 2008. № 1. С. 15—23. Он же: *Экономика как искусство*. М.: Наука. 2008. – 256с.

41 Укажем здесь на коллективные монографии, в которых рассматриваются социально-экономические вопросы: *Россия в глобализирующемся мире: стратегия конкурентоспособности*. Москва, 2005.; *Стратегический ответ России на вызовы нового века – под ред. Л.И. Абалкина*. Москва, 2004.; *Россия-2015: оптимистический сценарий – под ред. Л.И. Абалкина*. Москва, 1999.

42 Следует указать хотя бы на некоторые издания, такие как монография Ю.М. Осипова «Опыт философии хозяйства» (М.: Изд-во МГУ, 1990), его же работы: «Философия хозяйства. В 2-х книгах: I. Курс философии хозяйства. II. Проблемы философии хозяйства» (М.: Юрист, 2001) и «Время философии хозяйства» в 3-х книгах: I. Осмысление II. Курс философии хозяйства III. Грани. Работы разных лет» (М.: Экономист, 2003).

43 Тутов Л. А. Философия хозяйства: предмет и методы исследования: предмет и методы исследования: Диссертация на соискание ученой степени доктора филос. наук по специальности 09.00.01. Иваново. 2005 324 с. РГБ ОД, 71:06-9/24.

44 Цикл статей в газете «Завтра», №№1-36, 2008 г.

45 К основным работам С.Е. Кургияна относятся монографии «Седьмой сценарий» (М.: ЭТЦ. 1992. – 336 с.); «Слабость силы» (М.: ЭТЦ. 2006. – 480 с.); «Качели» (М.: ЭТЦ. 2006. – 772 с.); «Исав и Иаков» (М.: ЭТЦ. 2009. – т.1, 642 с., т.2, 572 с.).

46 Сошлемся здесь лишь на работы последних лет: *Куда идет Россия. Белая книга реформ*. М.: Алгоритм, – 2008, 448 с. (в соавт. с С. Глазьевым и С. Батчиковым); *Россия под ударом. Угрозы русской цивилизации*. М.: Яуза-пресс – 2010, 384 с.; *Россия при смерти? Прямые и явные угрозы*. М.: Яуза-пресс – 2010, 448 с.; *Россия: точка 2010, образ будущего и путь к нему*. М.: «Общественный диалог» – 116 с. (в соавт. с В. Патоковым); *Россия и Запад*. М.: Академический проект. – 2011, 190 с.; *Кризисное обществоведение*. М.: Научный эксперт. – 2011, 464 с.

47 1. *Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса*. М.: ИФ РАН, 2010. – 274 с.
2. *Человек в экономике и других социальных средах*. М.: ИФ РАН, 2008. – 195 с.

48 Укажем здесь на монографические исследования В.Г. Федотовой последних лет: *Анархия и порядок*. М.: Эдиториал УРСС. 2000. – 144с.; *Хорошее общество*. М.: Прогресс-традиция. 2005. – 544с.

49 *Глобальный капитализм: три великие трансформации: (социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества)* (в соавторстве с В. А. Колпаковым, Н.Н. Федотовой). М.: Культурная Революция, 2008. 607 с.

50 За последние три года вышли следующие монографии В.Е. Лепского: *Рефлексивно-активные среды инновационного развития*. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с.; *Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию*. М.: Когито-Центр, 2009. 208 с.; *Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке*. М.: ИФ РАН, 2010. Отметим также статью «Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития», опубликованную в журнале «Информационные войны» (№ 4 (16), 2010, С. 69—78). Журнал «Рефлексивные процессы и управление» доступен на сайте <http://www.reflexion.ru>, там же отражена деятельность «Клуба инновационного развития ИФ РАН».

51 Среди многочисленных трудов С.Ю. Глазьева, укажем на монографию «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса» (М.: Экономика 2010, 256 с.) и статью: *О стратегии модернизации и развития экономики России в условиях глобальной депрессии*. // 17 мая 2011. http://www.glazev.ru/econom_politi/269/

- 52 Приведем здесь ссылку лишь на некоторые из монографий В.М.Симчеры: «Развитие экономики России за 100 лет. Исторические ряды». (М.: Наука. 2006. – 592 с.); «Как возродить экономику России. Реформировать не разрушая.» (Кн.1. М.: Паритет, 1999.– 384 с.; Кн. 2. М.: Паритет-Граф. 2000. – 508с.; Кн.3. Нравственная экономика, М.: ТЕИС, 2006. – 824с)
- 53 Не пытаюсь сделать выборку значимых для проблемы развития высказываний М.Л.Хазина из его многочисленных публикаций и выступлений, укажем здесь лишь на две статьи: «Тупик «догоняющего» развития» и возвращение «Красного» проекта», опубликованную в сб. статей «Крепость Россия: прощание с либерализмом» (М.: Яуза, Эксмо, 2005) и «Постмодерн – реальность или фантазия?», опубликованную в 2005 году на сайте <http://wordcrisis.ru/crisis/170860>
- 54 Делягин М. Г. Мировой кризис: Общая Теория Глобализации. М.: ИНФРА-М, 2003. – 768с.
- 55 Делягин М.Г. Мир наизнанку. Чем закончится экономический кризис для России? (В соавт. с В. Шеяновым). М.: Эксмо. 2006. – 352 с.
- 56 Делягин М.Г. Китайцы – это люди, которые изобрели государство как таковое. // <http://forum-msk.org/material/lenty/1362250.html>
- 57 Подробнее об Академии см. на сайте <http://www.trinitas.ru>
- 58 На сайте Патриархии (<http://www.patriarchia.ru>) доступны тексты «Заявлений», в частности «Заявление в связи с мировым финансово-экономическим кризисом» (2009), «Заявление в связи с обсуждением стратегии долгосрочного развития России до 2020 года» и др.
- 59 Упомянем здесь работы Н.В.Сомина как «Возможен ли «христианский капитализм»?», «Христианский социализм как русская идея», «Законы экономики с точки зрения христианской этики» и др., доступные на портале <http://chri-soc.narod.ru/>.
- 60 Укажем на две монографии А.И. Агеева, основная тема которых совпадает с главной направленностью нашего альманаха: Беседы о стратегическом, или о том, можно ли совместить чистую прибыль и чистую совесть. М.: Институт экономических стратегий, 2010. – 736 с.; Цепочка вечных ценностей. М.: ИНЭС, 2004. – 40 с.
- 61 Основные публикации «Корпорации» представлены на портале <http://mmk-mission.ru/>
- 62 Укажем здесь на несколько статей Ю.В.Громыко: Проблемы устойчивого развития: готовы ли мы к разговору? (2002); Проблема формирования нового цивилизационного уклада с позиций России. Попытка манифеста. (2006); Центральный пункт диалога цивилизаций: жизнестратегия против стратегии смерти (танатостратегии) (2007), опубликованных на сайте (<http://mmk-mission.ru/>), и монографию «Сценарная паноплия. Сценарий для России: русский путь». (М.: Институт опережающих исследований. 2004. – 400с.). Подчеркнем, что эти теоретические разработки и рекомендации поддержаны авторами настоящей статьи на практике в форме развития финансовых инструментов, направленных на восстановления реальной экономики России.
- 63 Одна из наиболее полных подборок трудов П.Г. Кузнецова, его биография, а также статьи о нем, собраны на сайте <http://pobisk-memory.narod.ru>.
- 64 Сошлемся здесь на книгу, написанную П.Г. Кузнецовым в соавторстве с О.Л. Кузнецовым и Б.Е. Большаковым, «Система природа-общество-человек: устойчивое развитие. (Дубна: ВНИИгеосистем, 2000. – 403 с.), в которой сформулированы т.н. «фундаментальные законы сохранения и развития Жизни».
- 65 С.П. Никаноров. Концепция П.Г. Кузнецова и ее следствия. // <http://www.spnikanorov.ru/?to=articles&art=7>
- 66 С.П. Никаноров. Введение в аппарат ступеней и его применение. М.: Концепт. 2010.
- 67 Л. Ларуш. Физическая экономика. – М.: Научная книга, 1997.
- 68 «Пределы роста» Д. Медоуза (1972), «Человечество на перепутье» М. Месаровича и Э. Пестеля (1974) и последующие доклады.
- 69 Б.Е. Большаков. Наука устойчивого развития. Кн.1. М.: Мера. 2011. – 366с.
- 70 Публикации и проекты Центра доступны на его сайте: www.acconcept.ru.

- 71 А.А. Алферов. К вопросу о движущих силах истории. //Вестник Донского государственного технического университета. 2003. Т. 3. № 4 (18); Он же, Идея общественного прогресса: содержание и становление. // Философия в пространстве культуры. Серия «Восток – Запад – Россия». Ростов н / Д., 1999.
- 72 Соина О.С. Реформируемая Россия: социальные реалии и духовные последствия. // Школа мысли №6 (2006); < <http://shkola-mysli.by.ru/no06.html> >
- 73 В.П.Санатин. Ценности и смыслы русского самосознания. // Фонд «Росс-XXIвек». Март 2008. <http://sarnews.ru/ross21/?p=4>
- 74 Г.П.Выжлецов. Проблема ценности в современной аксиологии и экономике. // Проблемы современной экономики, N 3(15), 2005; Аксиология культуры. СПб., 1996; Философия ценностей и вызов XXI века // Философия и вызов XXI века. СПб., 1996; Ценности российской духовности: кризис и возрождение // Человек и духовно-культурные основы возрождения России. СПб., 1996; Какая идеология нужна современной России? // В. Новгородского ун-та им. Ярослава Мудрого. 1999. № 12; Аксиология культуры в системе культурфилософского знания // Там же. 2000. № 16.
- 75 А.В. Бугалин. 10 мифов об СССР. – М., 2010 (*совместно с А.И. Колгановым*); Социальная экономика: теория и практика. М., – 2009 (*главный редактор и соавтор*); Кризис: альтернативы будущего (глобальный контекст и российская специфика). – М., 2009 (*главный редактор и соавтор*); Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранные тексты). – М., 2009(*совместно с А.И. Колгановым*); Трансформационная экономика России. – М., 2006 (*главный редактор и соавтор*).

Источник: альманах «Развитие и экономика», №1, сентябрь 2011, стр. 8